

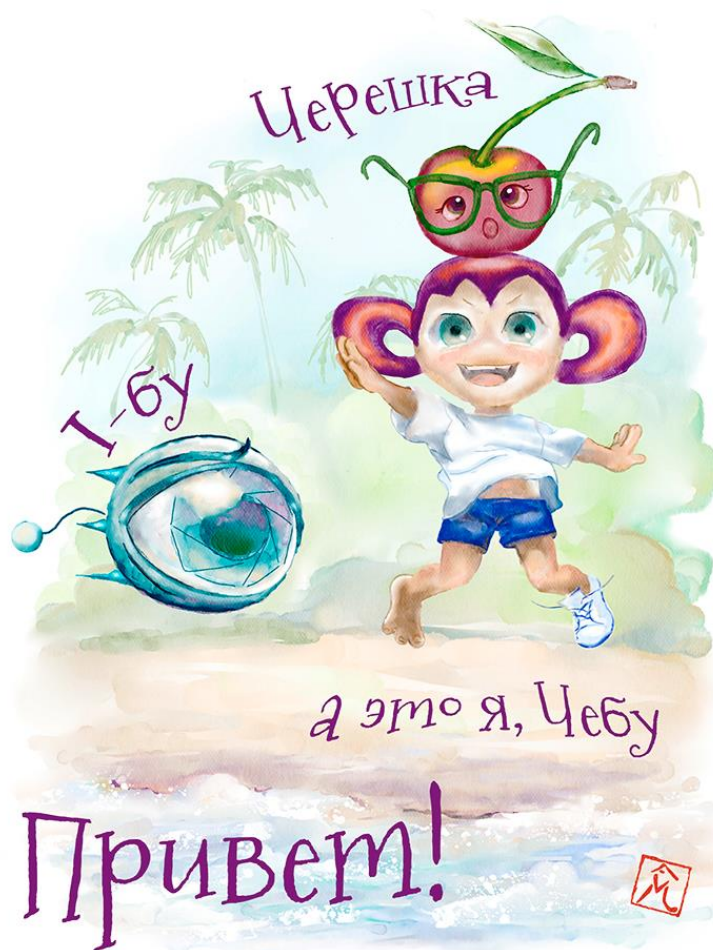
Алла Мийа

Приключения Чебу и его друзей

Существуют Истории-Принесенные-Облаками — они случились давным-давно. Есть Те-Что-Услышали-Ушами — эти произошли только что. Но самые любимые — это Те-О-Которых-Ветры-Поют-Песни.

Однажды теплый южный ветер принес из далекого загоризонтья эту историю о Чебу.

Глава 1. Черепахокрушение.

Остров был волшебный, это точно.

Это он меня выбрал. Я понял это, когда ни с того ни с сего налетел сильный ветер, а океан забурился. Поднялся шторм, да такой силы, что огромная волна легко подхватила нас и выбросила на берег. Не успел я моргнуть, как *брюхнулся* на пляж, носом в белый песок. Бррр...Апчихи-и-и!..

Рядом ворчала Черешка. Она нахлебалась соленой воды и чудом не потеряла очки. А черепаха Медуза радовалась, что ей удалось поучаствовать в настоящем *черепахокрушении*. Один Ё-Бу (он важно называет себя Ай-Бу) в океане не искупался. Он же — летун, причем летает не крыльями, а мотором: внутри у него понапихано столько *многообразных* заумных *штулечек* — похлеще вашего компьютера будет.

Шторм успокоился так же внезапно, как начался. Тучи рассеялись, и на лазоревом небе показалось солнышко.

Я встал. И осмотрелся.

Вместе с нами на берег вынесло всякие *отламулины* и *изломки*. Медуза с видом знатока заявила, что поблизости утонул настоящий человековый корабль. И добавила, что на суше задерживаться не собирается, потому что больше всего на свете ей хочется посмотреть на ту ужасную катастрофу. Она помахала нам лапой и скрылась в волнах.

Неугомонный Ё-Бу (вечно он напрашивается на приключения, словно у него штопор в затылке) предложил немедленно отправиться на поиски *сильноволишебной* Маски-Все-На-Свете-Могущей.

А я решил нарисовать карту острова — на случай, если мы заблудимся. Но тут краем глаза заметил неуловимое копошение на песке. Быстро повернулся и... никого!.. Да нет же... Снова легкое движение... И опять — пусто. Но кто-то наблюдал за нами, это точно. Я ясно чувствовал пристальный взгляд. А еще вокруг по пляжу расходились дорожки странных следов-пролазков.

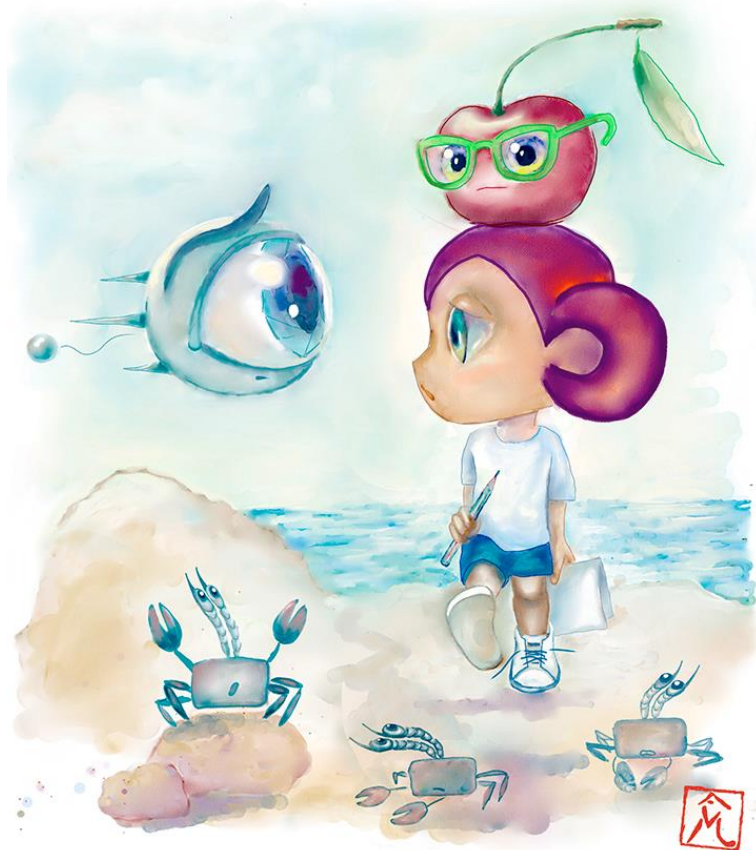
Банана-макарена, неужели чебуеды?

Я пошел вдоль пролазки по направлению от воды. И что вы думаете? В конце сидел жирный крабище!

Уф! Крабы — они совсем нестрашные. Ну, я их не боюсь ни капельки. Точнее, маленьких боюсь, а вот огромных — нет. Потому у них меньше шансов тяпнуть тебя из-под какого-нибудь подлого *тишика*.

— Чебу-у-у, смотри-и-и! *Глазорогие* крабы! — воскликнула Черешка.

Она заныла, что на голодный желудок вредно заниматься *маскоисканием* и *карторисованием*. И если крабы — не еда, а островитяне, то необходимо разузнать у них все про этот остров. Если нет, то можно их слопать, полив соевым соусом. А лучше сначала расспросить что к чему, а после зажарить на углях!

Я растерялся. По правде сказать, я не знаю, как отличить еду от местных жителей.

Но Ё-Бу, он же считает себя самым умным, настаивал забыть о вкусных островитянах. Найдем маску, а уж там — загадывай желание, зажмурься и жди пока исполнится!

Черешка раскричалась, что голодна. А *глазарогие* крабы, не знаю, понимали они наш язык или нет, все до одного *норкнули* под землю.

Пока Ё-Бу с Черешкой спорили, средихлама, выброшенного на берег, я нашел листок бумаги и карандаши, немного намокшие, но пригодные для *карторисования*.

Я выбрал красный. Посередине чистого листа поставил точку: мы тут. Маленькое пятнышко окружало белое пространство. Пустое и неизведанное.

Аккуратно свернув будущую карту, я положил ее в карман. Карандаши — в другой. Встал, отряхнул белый песок со штанишек и пошел навстречу неизвестности. Ё-Бу полетел за мной. А Черешка обиделась.

Глава 2. В Куристический Туриз!

Наверное, мне стоит извиниться.

Нет, не из-за Черешки.

А потому что я забыл представиться.

Смотрите — меня зовут Чебу. И совсем недавно я рассказывал о себе так: я — самый везучий Чебу на свете, потому живу в Большом Городе у Супергероя.

До позавчерашней недели это звучало верно.

Моим Другом был Супергерой — а это, скажу вам, дорогого стоит! Я носил его портфель, когда он уставал после школы. Я бегал за мячиками, когда он с приятелем играл в теннис. Таскал для него конфеты из буфета. Он даже разрешал мне погулять со своей собакой, но это, правда, только когда шел дождь.

Все изменилось в тот злополучный день рождения, когда Супергерою стукнуло восемь. Утром, на тумбочке возле кровати, появилась красивая коробка с откусанным яблоком на боку. Не знаю, как зовут тот зловредный предмет, который лежал внутри. Спросите, что же в нем такого отвратительного? Да то, что с того дня моего друга как подменили. Он со мной раздружился. Супергерой не отрывал взгляд от этого светящегося *злоугольника* — вместе с ним ел, спал, уходил в школу. А я?

А про меня мой Супергерой забыл. «Отстань, Чебу! Ты — никудышный и ни на что не годный!» — только и слышал. И никакие уловки вернуть потерянную дружбу не действовали. Я оказался в коробке, небрежно задвинутой под кровать. Дни проходили, унылые и похожие один на другой, а он все не вспоминал обо мне. Ни слова, ни фантика. Ничего.

Однажды Супергероя повезли к бабушке на каникулы, а она жила далеко от Большого Города, в деревне у моря. В последний момент и я запрыгнул в машину. Всю дорогу пытался развлекать Друга, вспоминал разные шутки, которые раньше его смешили. А он не отрывался от светящегося экрана. Я чувствовал, что надоедаю, но не мог ничего с собой поделать. Чтобы привлечь внимание, мне удалось утащить провод, с помощью которого мой Супергерой каждый вечер заботливо заряжал эту противную штуковину.

Может, поэтому, когда автомобиль остановился на бензоколонке, Супергерой пригласил меня прогуляться. Он предложил поиграть в прятки. И я, конечно, с радостью согласился. Тогда он велел мне зажмуриться и сосчитать до десяти. Я так и сделал. А когда открыл глаза (на всякий случай, дойдя до тринадцати), то машины, в которой мы приехали с Супергероем, на парковке уже не нашел.

Сначала я решил, что ошибся. Подумал: мой лучший друг просто слишком хорошо спрятался. Я искал его целый день и весь вечер. Я не мог поверить, что он уехал без меня.

Честное слово, я мог ждать его до утра. И до послезавтрашнего вечера. Всю жизнь был готов прождать Друга. Но когда наступила ночь, я признал очевидное: меня выбросили на помойку, как ненужную игрушку. Точка.

И как бы то ни было больно и несправедливо, с мыслью, что я стал бездомным бродягой, приходилось смириться.

Я пошел куда глаза глядят. Брел без разбора, дрожа от холодного ветра, по узкой обочине дороги. Не помню, как долго я шел, меня обгоняли редкие ночные автомобили. И при каждом звуке мотора мое сердце замирало: а вдруг это он? Супергерой передумал и вернулся за мной.

Но нет. Машины быстро проносились мимо. Запоздалые водители спешили поскорей в теплые, уютные дома. К тем, кто их любит.

А я остался один. Меня никто не ждал. И идти мне было некуда.

Поэтому я сказал себе: «Эх, банана-макарена... Не кисни, Чебу! И не бойся. Проблем не существует, есть только решения». И пошел к морю. Свернул с широкой дороги на узкую, потом — на покрытую гравием и, в конце концов, на утопанную песочную тропинку.

На причале я оказался под утро. Розовое солнце вставало над горизонтом. Волны накатывали на берег и разбивались, соленые брызги падали на щеки и стекали по лицу. Пусть бы море забрало меня, бесполезного и никчемного Чебу... В отчаянии я сел на камень и...

Думаете, я заплакал? Чебу никогда не плачет! Даже если ему больно до слез.

Вот тогда-то и возникла Черешка.

А вернее, она свалилась мне на голову!

— Ой! — взвизгнула она.

— Ай! — вскрикнул я.

Черешка принялась вопить: ты, мол, должен спешить, иначе Медуза уплывет без нас! А я возразил ей, что я — Чебу, а не средство передвижения. И медузы кажутся мне тварями опасными. И если одна из них уплывет, оно и к лучшему.

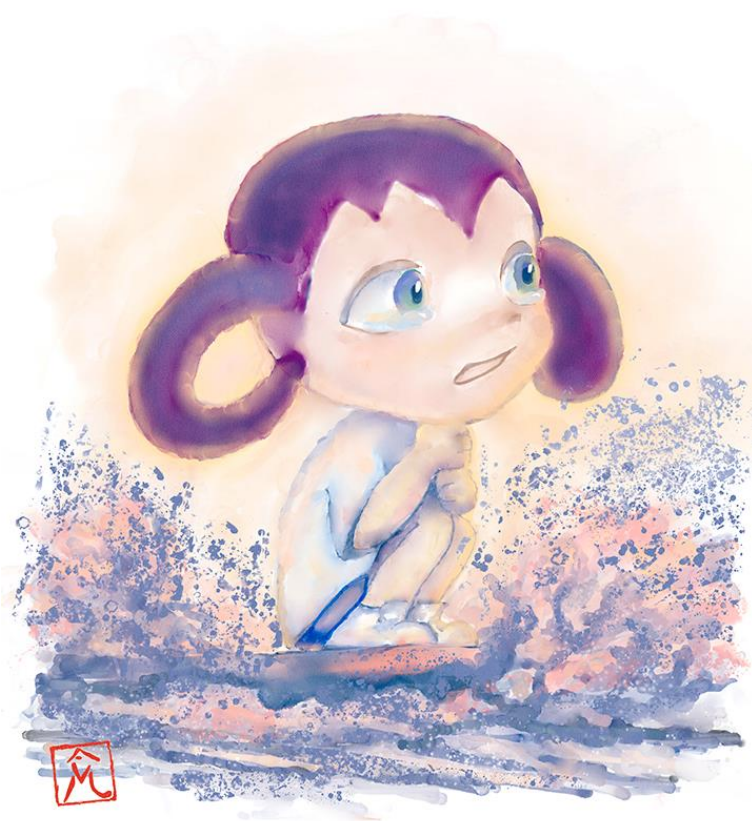
Тогда Черешка раскричалась, что я непонимательный дурак, и Медуза — это не медуза, а черепаха, и они вместе уплывают за горизонт в *КУРИСТИЧЕСКИЙ ТУРИЗ*. Я спросил, что это такое, а она сказала, пока и сама не знает.

Черешка свалилась на мою голову из окна знаменитой кондитерской, где пекли сногшибательные *вкусняшки*, готовили разные *слащенки* и *вкусняющие конфетушки*. Она была любимицей Знаменитого Кондитера, его счастливой звездой. Всеми наградами и призами он был обязан именно ей. Когда у него заканчивались идеи, как украсить ванильный десерт, или никак не придумывался рецепт новых сдобных булочек, он всегда советовался с ней, с Божественной Черешкой. Даже кондитерская носила ее имя!

Да, Черешка была звездой. Ее фото со Знаменитым Кондитером печатали на первых страницах журналов по кулинарии. Вообразите, однажды их пригласили участвовать в настоящем телешоу!

Вот тут, кажется, и купаться бы ей в лучах славы, нежиться под восторженные аплодисменты сладкоежек-поклонников и сиять с экранов в блестках конфетти.

Ан нет. Черешка заскучала. Ей казалось, что чего-то в ее сладкой жизни не хватает. Что-то важное ускользает от нее, прячась за карамельными розочками. Вот только она не могла понять, что именно.

И однажды, она, как всегда, грустила, глядя на море, и нечаянно подслушала разговор двух покупательниц шоколадных эклеров. Первая без умолку трещала про путешествия:

— Ледники... пустыни... скалы... джунгли... пингвины...

— Фи, — поморщила носик вторая, — а вы плавали в **ТУРИСТИЧЕСКИЙ КРУИЗ**? Бывали на Островах-Где-Не-Бывает-Зимы? Видели бирюзовые лагуны, что красивее, чем в рекламе? Нет? Значит, вы нигде не были!

Первая покупательница растерялась.

А Черешка поняла. Вот чего ей не хватает! Отправиться в... как его... в **КУРИСТИЧЕСКИЙ ТУРИЗ**! Посетить эти загадочные острова, сфотографироваться на бирюзовом пляже и показывать фотку всем врединам, которые так говорят!

Да только знать бы, как туда добраться...

Но как говорится, на ловца и зверь бежит!

В соседнем с кондитерской доме располагалась мастерская Непризнанного Художника. Он целыми днями рисовал страшные происшествия и кошмарные катастрофы. Кроме холстов и кистей, одиночество художника разделяла большая черепаха. Звали ее Медуза, в честь огромной картины из музея с плотом, тонущим в

океане. Медуза кораблекрушения обожала. Правда, о них она знала только из ужастиков, которые художник смотрел для вдохновения. А еще Непризнанный Художник был безнадежным сладкоежкой. Каждый день он приходил к Знаменитому Кондитеру за пирожными. Иногда он приносил с собой Медузу. Так они с Черешкой и познакомились. А уж уговорить Медузу бросить неудачника-художника и отправиться в НАСТОЯЩЕЕ, а не нарисованное приключение, оказалось проще простого.

Медуза родилась в зоомагазине и всю жизнь (кроме прогулок в кондитерскую) провела в террариуме. А вы в курсе, что значит *ТЕРрариум*? Нет? Я тоже не знал. Черешка объяснила, что это страшное место, где ТЕРРОРИЗИРУЮТ черепах. Ну, вы наконец-то поняли, почему Медуза с радостью вызвалась уплыть на острова?

— Так мы идем? — торопила меня Черешка.

Я встал с камня. И пошел, не оглядываясь в сторону пирса, искать черепаху Медузу.

Да, и по правде говоря, идти-то мне было некуда.

Глава 3. Встреча с Преумнящим Ё-Бу.

Ё-Бу прибил к нам в районе тропика Козерога. Представился он без ложной скромности: «Я — гениальный летающий бот Ё-Бу, — *Индивидуальный Интеллектуальный Инструктор Инсператор*. Робот-вдохновитель, если по-простому. И без меня вам — никак».

Внутри у Ё-Бу спрятаны всякие *электроштуковины* и *умнячие* программы, непонятные и очень сложные. Еще у него есть те органы, которых нет в природе, — *теплочутье* и *насквозьвидение*. А это, я вам скажу, не жук чихнул! Изобрели и сконструировали Ё-Бу в суперсверхсекретной лаборатории.

От Ё-Бу ждали, что он будет вдохновлять людей на добрые дела. В свободное же от науки время, когда суперзасекреченный ученый хандрил, он тихо играл с ним в карты. Ё-Бу тоже скучал, жульничал и обыгрывал своего создателя. Вскоре он научился обманывать и в жизни: изображал, что занят неотложной умственной работой, а сам мечтательно смотрел в окно лаборатории.

Однажды ученый нарушил запрет о сверхсекретности и прокатил Ё-Бу на трамвае. И оказалось, что до горизонта доехать нельзя. Но как хотелось это сделать! Вот тогда-то и начал Ё-Бу терзать вопрос:

«Что будет, если добраться до кольца самого дальнего трамвая? А если еще дальше? И еще?»

Знаете, мозги у Ё-Бу очень *додумчивые*. Но ответ на этот непростой вопрос он так и не нашел. Поэтому решил во что бы то ни стало удрать от зануды-ученого.

Подходящий случай не заставил себя долго ждать. В засекреченную лабораторию ворвались грабители в масках и с автоматами Калашникова. Секретного ученого связали, а Ё-Бу заперли в коробку и украл.

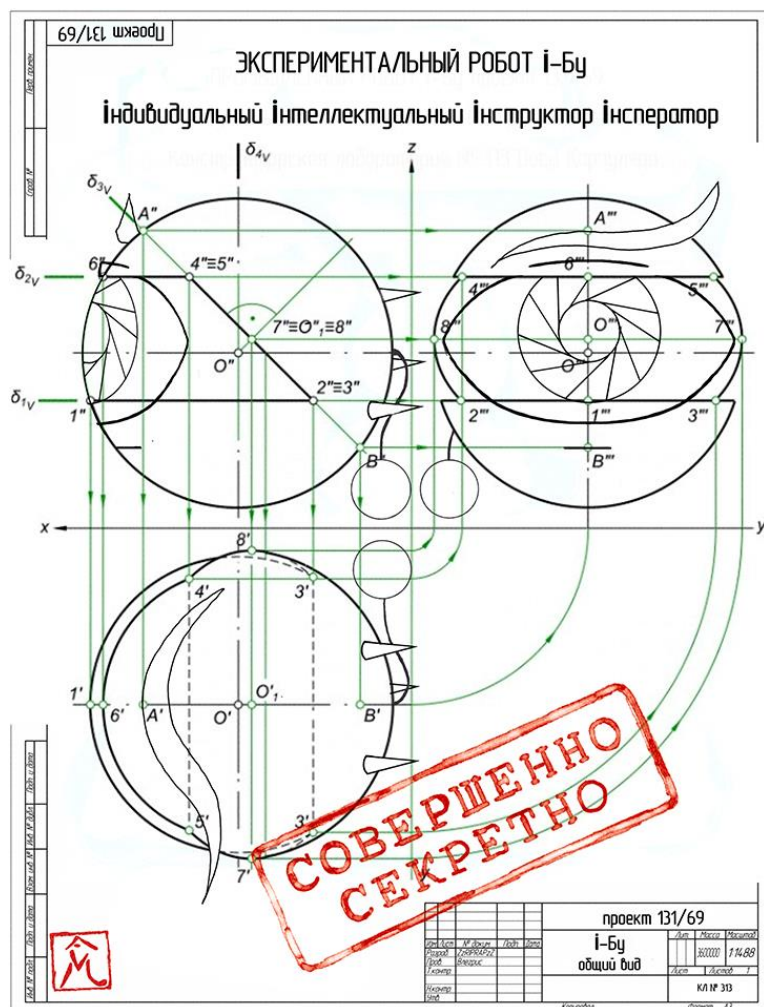
О чем злодеи, конечно же, горько пожалели. Стоило им покинуть здание и перебежать через трамвайные рельсы, как дорогу перерезал черный фургон: на первых воров напали другие, еще более калашистые. Эти сильнокалашистые бандиты перебили тех, что были в масках, и отобрали коробку с Ё-Бу. Но и с ними он путешествовал недолго — резкий визг тормозов известил Ё-Бу, что на фургон произошел налет. Третьи головорезы с помощью гранат и базук одолели калашечных, отняли коробку и отвезли ее в аэропорт. Ё-Бу (наблюдающего за происходящим через дыру в картоне) погрузили в самолет, который, едва поднявшись в воздух, был сбит нешуточной сверхзвуковой крылатой ракетой. Базукистый пилот (крепко сжимая коробку с Ё-Бу) и его сообщники-боевики успели спрыгнуть с парашютами. Приземлились они посреди океана, прямехонько в лапы очень тайных агентов, подводная лодка с которыми уже плавала вокруг обломков самолета.

Не дожидаясь, пока его сворует кто-то еще и перепрограммирует во Вредного Подстрекателя на Гадости, Ё-Бу решил, что пора улепетывать. Пока одни злодеи стреляли в других, он незаметно выскользнул из коробки, поднялся до самой середины неба и исчез за облаками.

Но возвращаться в скучную лабораторию Ё-Бу не собирался. Он полетел на восток, навстречу восходу солнца. По дороге он гонялся за проплывающими парусниками, болтал с пролетающими птицами, резвился над волнами, вглядываясь в туманную даль.

Там, посреди океана, мы и встретились. Черешка и я дрейфовали на спине Медузы. Ё-Бу подлетел к нам, поздоровался и спросил, куда мы направляемся. Черешка сказала, что мы плывем в *КРУЗНИТИЧЕСКИЙ РУТИЗ*, далеко-далеко, на Острова-Где-Не-Бывает-Зимы. А я добавил, что плыть-то мы плывем, вот только не уверены, в правильном ли направлении. Потому что ни один из нас не знает, где именно эти чудесные острова искать.

Ё-Бу ответил, что от перелетных рыб слышал, будто где-то на самом юге дальнего юга есть потусторонняя земля. И там, в далеком загоризонтье, спрятана древняя Маска-Все-На-Свете-Могущая, такая волшебная, что исполняет все-все желания. И именно на поиски этой Маски он и направляется, потому что с ее помощью можно сделать так, чтобы люди совершали одни только добрые дела. И, несомненно, наши чудесные Острова-Где-Не-Бывает-Зимы находятся где-то рядом, так что нам по пути. Потому что мир очень маленький, дальше плыть некуда. К тому же он согласен взять нас с собой.

— Вот мой новый сверхгениальный план, — не унимался I-Бу, — с этой минуты мы путешествуем вместе! Забудьте о вашем спокойном... хм... *ТИЧЕСКОМ ИЗЕ*... Мы отправляемся в опаснейшее приключение! А там без такого *преумняющего* умяги, как я, не обойтись!

Я ничего не ответил. Сами знаете, как неосмотрительно доверять попутчикам, случайно встреченным в открытом океане. Черешка тоже промолчала, она жевала только что пойманную перелетную рыбу.

В общем, можно сказать, I-Бу увязался за нами без приглашения. Хотя, с другой стороны, если бы не он, мы могли заблудиться. Кто знает?

А еще я подумал, что если это правда, и Маска исполняет все-все желания, то она поможет вернуть дружбу моего Супергероя. А ради такого стоит рискнуть, пересечь океан и отправиться хоть за край света.

Глава 4. У Опасной Акулистой Бухты.

Остров напоминал оранжерею под открытым небом. Нас согревало солнце, подбодряло пение *чирикушек*. Жара стояла очень даже приятная. А пестрота ослепляла.

Солнечные зайчики прыгали на зеркальной заводи. Возле берега синева океана перетекала в бирюзовый цвет, а если зайти по пояс и заглянуть под теплую воду, то внутри море напоминало аквариум. И какой! Я в жизни не видел ничего подобного! Ох, банана-макарена, кого там только не было! Каракатицы, осьминоги, пятиноги, крылетки и прочие живописные твари, названий которых я даже не знал! Рыбы тихонько подплывали и бодались, а морские звезды липли к ногам.

А я-то опасался встретить *мошкарад* из мелких чебуедев! Но никто меня пока не укусил. Знаю-знаю, тишина бывает обманчивой. Никому доверять нельзя, а чебуопасные существа умеют претворяться и могут нас *захитрить*.

Но сахарно-белый песок сверкал под ярким небом. Прибой перекачивал мелкую гальку и шуршал ракушками. На берегу их лежали целые груды: больших, крошечных, леопардовых, гладких, тюрбановых, рожковых, пузыревых, двустворчатых, и даже зубчатых домиков. И еще множество других, которые описать словами непросто. В них наряжались всякие слизняки и прочие смешные существа, которые копошились в волнах.

А еще по пляжу носились *глазорogie* крабы. Осмелев, они подбегали совсем близко и стрекотали клешнями. Прислушавшись, я разобрал: «Берегитесь *вреднюков*! Берегитесь *вреднюков*!» Или мне послышалось? Да нет, показалось!

Хоть солнце стояло и в зените, я предложил не терять время на купанье, а немедленно отправляться на поиски волшебной Маски.

«Хочу есть, — заныла Черешка, — Чебу-у-у, не валяй дурака, *сохоть* для меня маленького *гебемотика*. Или *слонокита*... Ну, пожалуйста!»

Ох, банана-макарена! Нашла охотника!

— Смастерим удочку, привесим *уплывок* и будем *удачить*, — предложил я.

Но Ё-Бу, который считает себя гением, придумал новый суперспособ.

— Чебу сделает рыбу из веток и пальмовых листьев, и мы отпустим ее в море. А так как Остров — волшебный, то она там оживет, и в благодарность пригонит к берегу стаю креветок. Тут-то мы их и поймем! А потом зажарим на углях!

Знаете, он очень сердится, когда с ним спорят. Ох... Мне эта его идея сразу не понравилась. Но он меня и слушать не хотел.

За ветками я пошел в пальмовую рощу. Черешка с макушки давала мне указания: какие из них *рыбоподходящие*, а какие — нет. «Эту — выбрось... А вон ту — тащи сюда!» Я собрал палки и листья в кучу. Выпрямился и оценил: достаточно ли для большой рыбы. Отступил на шаг и — ой! — наткнулся на разлапистое дерево, которое, оказалось, стояло прямо на тропе за спиной. Могу поспорить, что раньше его тут не было!

— Еще во-о-он ту деревяшечку, и хватит!

Я слазил под куст за последней веточкой, а когда вылез... Дерево переместилось. И поза его изменилась — ствол наклонился, а ветви растопырились по сторонам. Я сделал вид, что о-о-очень занят разглядыванием своих палок, и отвернулся. А сам уголком глаза следил за деревом.

А оно очень осторожно привстало и, мягко ступая на корнях, как на цыпочках, пошло к морю. Банана-макарена! Дерево явно собиралось освежиться! И, представьте, для поддержания равновесия балансировало ветвями, усыпанными крупными оранжевыми плодами!

Я резко повернулся. Дерево неуклюже замерло на полушаге с поднятыми в воздух корнями. Но не удержало равновесия и шмякнулось на тропу.

«Попалось!» — подумал я и подошел к нему.

По правде говоря, я хотел просто его рассмотреть. Ну а Черешка, вы же понимаете, ей до всего есть дело! Она заорала: «папай-манго-папай-манго-папай-манго!», и подскочила, намереваясь вцепиться зубами в один из фруктов.

Перепугавшись ее крика, дерево вздрогнуло. Затрясло ветками, да так, что фрукты полетели во все стороны, как маленькие бомбочки. Но на землю не упало ни одного — все тут же превратилось в пчел! Банана-макарена, целый рой жужжал вокруг нас непроглядным оранжево-полосатым облаком. А дерево тем временем убежало назад в рощу.

— А-а-а! Кусаки! — закричала Черешка. — Тащи скорей *пошлепку*, нужно их *перешлепать*! Они из нас мед сделают!

Но пчелы оказались очень даже *дружливые*. Они расцеловали Черешку в обе щечки. И меня чмокнули в нос. «Это потому, что я такая *поцелуйная*!» — заявила смущенная Черешка.

Нацеловавшись, пчелы *прицветочились* на *вареневые* кусты. А я придумал роще название: «Поцелуйная Роща». То есть место, где пасутся поцелуйные пчелы.

Устроившись в тенечке под пальмой, я принялся мастерить *удачную... нет, удельную... или рыбачную?..* в общем, большую рыбу. Весь *вспыхтел*, пока закончил! Но получалось как-то не очень...

Рыбу я закончил, когда солнце склонилось к вечеру. Я принес ее к морю и осторожно положил в накатившую волну. Рыба тут же ожила, вильнула хвостом и уплыла на глубину.

Но *рыбежник* я оказался никудышный! И рыба у меня вышла неправильная. Акулистая какая-то. Через считанные мгновенья поверхность воды покрылась обглоданными скелетами — она сожрала все, что ей попало на глаза. Ой...

Черешка завизжала, что даже *замерзла* от страха. И что я *культяпый недотеп*. И нужно было собрать ДОБРУЮ рыбу, а моя обязательно вернется, чтобы сожрать и нас. И еще что «*вот такие айбушные гениальности лучше не замечать вниманием*».

Я достал карту и размашисто написал: «Акулистая Бухта». Подумал и подправил: «Опасная Акулистая Бухта».

Рыба моя плавала вдоль пляжа и злорадно скалилась, показывая двойной ряд зубов. Только не поймите меня неправильно! Я не за себя переживал. А за Черешку — мало ли что... Она такая *боячка*...

Я *нахрабрился*, сделал о-о-очень грозное лицо и строго крикнул:

— Эй ты, Оглупец! Не вздумай приближаться к пляжу! А иначе... А иначе... Я *разсоздам* тебя обратно на деревяшки!

Акулистая рыба озадаченно вильнула хвостом, но послушалась и исчезла в волнах.

Глава 5. Собиратели Звезд.

Извиваясь, узкая тропинка уходила с пляжа и терялась в Поцелуйной Роще между стволов пальм. Оттуда ветерок приносил таинственный запах влажного леса и аромат цветов. Синие, красные и даже *вареневые* букеты благоухали на кустах, *духастее* чем настоящие духи.

А еще в роще повсюду валялись кокосовые орехи. Ими лакомились *глазорogie* крабы, раскалывая скорлупу клешнями. Я решил поймать одного и попросить очистить орех и для нас.

Пристроился позади, чтобы он меня не видел, и подкрался. Указательным пальцем прижал краба к песку, чтобы тот не шевелился. И — о-пс! — схватил его сзади за бока панциря — так он не мог щипаться.

Краб уже успел испугаться и так и норовил тяпнуть меня клешней. Не дав мне произнести ни слова, он затрепал: «Берегитесь *гадючих вреднюков*! Берегитесь!» На этот раз, уверен, мне это не померещилось! А краб изловчился, больно цапнул за палец и удрал.

Я поймал еще одного. Он оказался более разговорчивым и *испугательно* объяснил, что *гадючих вреднюков* нужно бояться, и что они разбрасывают *плевачих* кобр, *обжигучих* бабочек-крапивниц и *замагиченные* орехи: наступишь на такой — пиши пропало, превратишься в мохнатого паука, которого все ненавидят. Этого я успел отбросить раньше, чем он щелкнул клешнями.

Черешка забыла про голод и запищала от страха. А Ё-Бу отправился на разведку. Он поднялся в воздух, чтобы осмотреться с высоты айбушного полета.

Вернувшись, он объявил, что есть хорошая и плохая новости. Во-первых, остров маленький и покрыт чащобными лесами. Во-вторых, гора в центре имеет две вершины. А в-третьих, остров *человеконеобитаем*. Я спросил, как это? А он ответил, что это и есть хорошая новость: на острове полно жителей, например, на чащобных деревьях живут очень перистые попугайские коты, но нет ни одного человека. А что до того, водятся ли тут *чебупротивные* твари, то...

Достав из кармана карандаш, я нарисовал кляксу. Это — Наш Остров. Посередине — гора с двумя макушками. По краям — лес. Обеими вершинами, окутанными облаками, гора подпирала небеса. Не знаю, как называли ее местные жители, но я дал ей имя — Небесная Гора. Так и подписал на карте. А лес назвал «Чащобный».

Я посмотрел на Небесную Гору. Облака клубились, прятали две вершины под пушистым покрывалом, делая их невидимыми.

— В сказках на таких горах, высоко за облаками, так высоко, что до него не добраться, обычно живет Доброе Существо, — мечтательно сказал я. — Уверен, что именно там и хранится *сильноволиебная* Маска!

Черешка тоже посмотрела на Гору:

— Угу, — мрачно ответила она, — а в *пугательных* сказках рядом с Небесными Добряками и колдовскими Масками обязательно поселяются прескверные злыдни и прочие чебуеды!

А Ё-Бу невозмутимо продолжил:

— ...то плохая новость как раз в том, что я видел, как с горы спускались шесть странных существ. А чтобы их никто не узнал, они надели на себя совиные головы. И идут они на этот самый пляж, где мы сейчас стоим!

— Ой... Неужели это и есть *гадючие вреднюки*?! — ужаснулась Черешка.

— Нет! — ответил ей пробегающий мимо краб. — Те разбрасывают *замагиченные* пакости!

— Ох, а вдруг они — чебуеды! — распереживалась Черешка.

А я спросил, откуда Ё-Бу знает, куда идут совиноголовые. Он ответил, что он видел их на тропе, ведущей сюда через Поцелуйную рощу.

Ох, банана-макарена... Вы думаете, я испугался? Ну... Может быть, самую малость... капельку... самую *микромизерную* крошечку. И не за себя, нет-нет-нет! За Черешку...

Ночь наступила быстро. Небо покрылось яркими звездами. А в полночь начался звездопад, да такой, что нам еле удалось укрыться под *вареневыми* кустами с пахучими цветами и широкими, как зонтики, листьями, которые росли вокруг пляжа. Колючие звезды падали в море, и, потухая, шипели как головешки. Я снял Черешку с головы, накрыл *зонтичным* листом, и она тут же заснула.

Вот тогда-то они и появились, странные существа. И каждый надел на себя совиную голову! Они вышли на пляж из пальмовой рощи и принялись собирать упавшие звезды на мелководье у берега. А надо сказать, что звездопад в ту ночь валил как из ведра. Собиратели бродили по кромке прибоя, глядели себе под лапы, и, если им попадалась шипящая звезда, громко произносили заклинание: «Карамбамбае!» — и вода под их лапами расступалась. Тогда они быстро наклонялись, подбирали звезду и складывали в мешочек. У каждого к спине было привязано по одному такому, сшитому из рыбьей кожи.

Я внимательно наблюдал за ними. Непохожи они на чебуедов. Маленькие, хвостатые... Может, спросить у них про Маску? И предупредить, чтобы не заходили на глубину, где их сцапает моя *акулистая* рыба... Немного *нахрабрюсь* и подойду, решил я.

Ё-Бу под кустом тоже не сиделось. «Вот, *слепачи* какие! — сказал он. — Смотри, Чебу, сколько звезд остается в воде!» И действительно, в прибое шипели и постепенно гасли не поднятые звезды. «Им мешают совиные головы», — предположил я. «И еще, это потому, что на пляже темно, и Луна почему-то не выходит», — согласился Ё-Бу.

Он включил встроенный фонарик, направил луч вниз и быстро полетел к морю, освещая дорогу. Увидев Ё-Бу, собиратели насторожились и замерли. Но потом еще шустрее засуетились, следуя лучу айбушного фонарика, и работа у них зашпорилась.

Достаточно *нахрабрившись*, я выбрался из-под *вареневого* куста. Оставил Черешку спать и не спеша пошел к кромке воды. Но то ли *глазорogie* крабы решили надо мной подшутить и отомстить за допрос соплеменников, то ли я просто не заметил в темноте (в двух шагах от собирателей я наступил на медузу). Нет, не на

черепаху, а настоящую, склизкую. Я поскользнулся, и — ба-бах! — чебухнулся вверх кормашками, прямо в соленый прибой.

Совиноголовые, до того не поднимавшие глаз от земли, не то, что вздрогнули, они подпрыгнули на месте! И, показывая на меня пальцами, завопили, да так громко, что у меня заложило уши:

— Ааа! Чужак с дырявыми ушами! Чужак с дырявыми ушами! Пророчество! Пророчество!

Они стремительно повыскакивали из моря и врассыпную поскакали по пляжу. Добежав до собранных прибоем раковин, где жили слизняки и строили норы *глазорogie* крабы, совиноголовые крикнули: «Карамбамбае!». Тотчас шесть самых крупных крабов превратились в... хм... в *крабов-летунов*... в *аэрокрабов*... нет, в *краболеты*!

Собиратели запрыгнули на *краболеты* и взмыли в звездное небо. Они так спешили, что впопыхах даже забыли один мешочек со звездами.

Я поднялся, подобрал мешочек и посмотрел вслед удаляющимся *краболетам*. Ё-Бу выразительно глянул на меня — мол, ну ты и *отчебучил*. Я вздохнул. Он подсветил мне, а я взял карандаш и подписал: «Пляж-Где-Собирают-Звезды».

А Черешка, представьте, целую ночь прохрапела — ей все нипочем!

Глава 6. Манго-Мяо.

На рассвете мы отправились по следам совиноголовых. Решили, что если кто тут и знает про Маску, то это они. Мешочек со звездами я взял с собой.

Тропа вела нас вглубь острова через Поцелуйную Рощу. Пляж и бирюзовое море остались позади. Над головой сомкнулись веера листьев высоченных пальм. Лишь кое-где сквозь них пробивались солнечные блики. В густых кронах кишели, пищали, кричали и скрипели *жукашки* и *чирики*, из-под ног улепетывали *ползуки* и предлинные *жужженицы*, вокруг вились *пчелы-целоваки*. Жизнь в Поцелуйной Роще кипела. А еще то и дело приходилось отбиваться от ярко-зеленых *обжигучих* бабочек-крапивниц, и в траве что-то подозрительно змеилось и шипело.

Ё-Бу отстал и внимательно разглядывал тропу. Я подумал, что он нашел *замагиченные* орехи, о которых предупреждали *глазорogie* крабы. Оказалось, на земле обнаружилось великое множество отпечатков лап, копыт и прочих конечностей.

Следы были вот такие, хвостистые... И с коготками. И еще как у кошек... И собачьи... А вон от кроссовок... Банана-макарена, эти — они повсюду!.. Ой, нет, извините, это мои... Но самые загадочные тянулись, будто оставленные узкими колёсами...

Причем колёсные располагались ПОВЕРХ МОИХ! А это значит...

— За нами следят! — воскликнул Ё-Бу. — И это — не следы, а *проездки*! Они остались после проезда резиновых шин!

— За нами следят велосипедисты! — ужаснулась Черешка.

— Откуда они взялись на *человеконеобитаемом* острове? — спросил я.

— Мм, — ответил Ё-Бу тоном знатока. — Предположений, возможно, много...

— Уверена — это очень *чебуопасные* велосипедисты! — воскликнула Черешка.

По правде говоря, зловредные велосипедисты мне никогда не встречались. Велосипед — это ж вам не танк, много на нём не навредишь. Ё-Бу поднялся под самые кроны пальм и облетел вокруг нас. Он сказал, что с высоты его айбушного полета никаких колесных злодеев не наблюдается, и *испугательство* Черешкино напрасное. Но её это не успокоило.

— Они спрятались и хотят нас *захитрить*! — настаивала она.

Под высокими пальмами росли красивые пышные кусты с гроздьями душистых *вареневых* цветов. Вокруг них жужжали толстые поцелуйные пчелы. Повсюду валялись сладкие кокосовые орехи — и ни одного велосипеда или велосипедиста.

Зато в стройную музыку пчелиного жужжания потихоньку вклинился еще один звук. Кто-то чешуйчатый перекатывался и змеился по камушкам тропы. Причем звук этот настойчиво приближался.

— *Плевачие* кобры! — в один голос заорали мы и помчались, не разбирая дороги.

Давно я так быстро не бегал! А Черешка с такой силой вцепилась мне зубами в ухо, что едва не прокусила!

Остановились мы, когда и роща, и тропинка остались далеко позади. Я отдышался и огляделся. Высокие пальмы сменились густыми зарослями разлапистых деревьев.

Мы и не заметили, как добежали до леса.

— Ну вот! Чебу привел нас в Чашобный Лес! — упавшим голосом сказал Ё-Бу.

Что? Я? Банана-макарена! Такой поступок заслуживает золотую медаль по идиотизму и черный пояс по глупости! Но это все *плевачие* кобры!

Черешка притихла от страха — ведь уже вечер и скоро стемнеет. А Ё-Бу сделал вид, что даже доволен. Да и вообще, он — *метальный*, чего ему бояться?

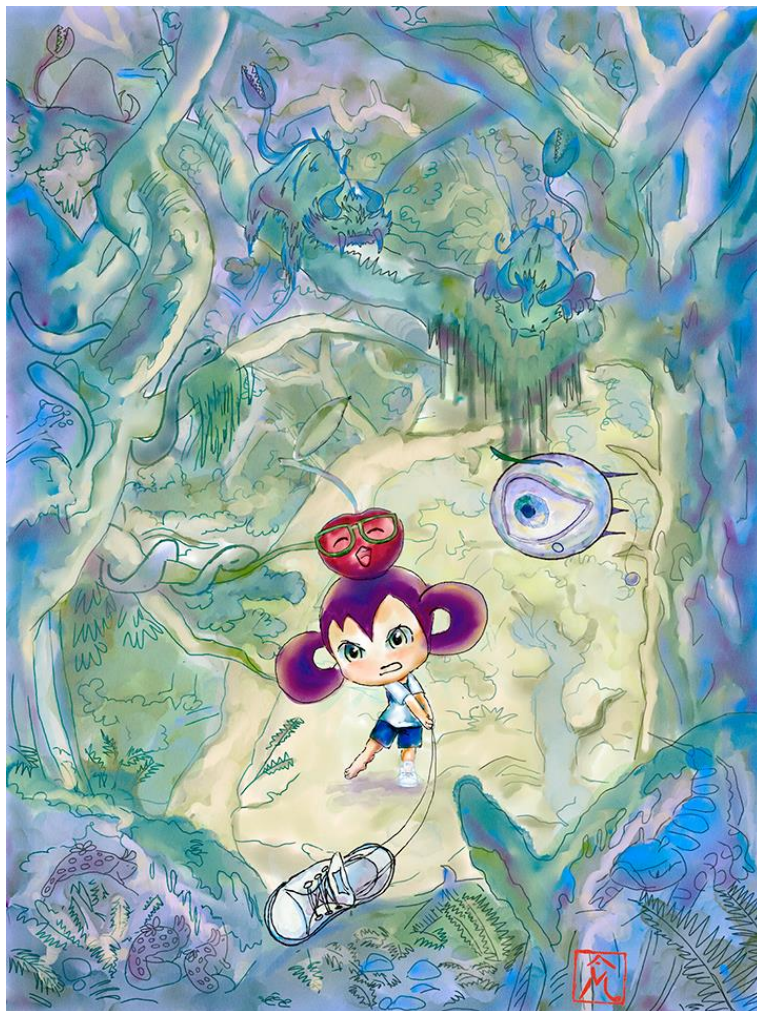
Ох... Но возвращаться в рощу еще опаснее...

Мы *нахрабились* и вошли в лес. И стало нам там сразу очень *загадочно*. Огромные папоротники перемежались могучими деревьями с боролатыми от висячих лиан ветвями и мшистыми стволами. И будто специально, чтобы подшутить, Ё-Бу заявил, что у него садится батарейка. А для ее подзарядки ему необходим солнечный свет. Но солнце тут же помахало нам последним лучиком и уплыло за горизонт. Нас окружил зловещий полумрак — айбушной зарядки не хватало на включение айбулампы.

Чащоба хищно выла, скрежетала зубами и хлопала крыльями, дремучая и дикая. В непроглядной темноте над нами мерцали тусклые звезды — на небесах, над островом, так и не было Луны.

Исход дела казался безнадежным. Знаю-знаю, нет проблем, есть только решения, но... Вот тут-то и вмешался Ё-Бу. Думаю, он тоже испугался, хоть и не показал виду. Он заявил, что есть только одна дорога к спасению — мои кроссовки. Вся надежда на них. И если я как следует постараюсь и закину один достаточно высоко, то он превратится в искусственный спутник земли и яркое ночное светило.

Я посмотрел на свои тапки — старые, любимые и удобные. Не то, чтобы я жадина. Мне ничего не жаль для друзей, но... Но я не был уверен, что у меня получится, — шутка ли, создать новую Луну!

Рычание и вой ночных кошмаров подступили уже совсем близко. Черешка расплакалась.

Эх, похоже, придется мне *тапковать*!

Я снял одну кроссовку, раскрутил ее посильнее, взявшись за шнурок, и забросил высоко-высоко.

И что вы думаете? Немедленно на небесах засияла яркая, полная...

— Луна! — закричала Черешка. — Я назову твою тапку — Круглолуние!

Тапковая Луна воцарилась между звезд, разливая ровное молочное сияние. В Чашебном Лесу стало светло, как днем. Да и вот еще что... В темноте я нечаянно наступил в грязь и испачкал тапку, поэтому и Луна у меня получилась немного пятнистая. Так что извините...

При свете ночные жутики отступили в джунгли. Зато с деревьев на поляну слетели престранные лесные жители — наполовину коты, наполовину попугаи.

Нет, попугаи с *котовыми* головами... Или все же коты с крыльями и попугайскими хвостами из разноцветных перьев?..

Самый пестрый и перистый выступил вперед и выкрутил невероятную танцевальную фигуру: ударил лапой о землю, подскочил, перевернулся, взмахнул крыльями и снова стукнул лапой... Думаю, это он так поздоровался.

Я тоже в ответ подскочил, скрестив ноги в прыжке. Приземлился на широко расставленные пятки и провернулся.

Он забил крыльями и прокрутился на месте.

Я перекувырнулся, прыгнул на руках. И снова — скок, кувырок.

А он похлопал мне лапами и подошел. Сказал, что зовут его Припрыга, и что он вождь Манго-Мяо, племени покóтов. И от лица всех покотов он благодарит меня за то, что я принес в джунгли ночное светило. Будет у них теперь в лесу не жизнь, а сплошная *светлота* и *танцеплясание* круглые сутки! И заживут они весело и счастливо, словно в ту давнюю пору, пока злодей не сожрал старую Луну. Все станет как раньше, когда праздник Короборо не утихал в лесу от заката до рассвета!

Припрыга протянул мне выточенную из дерева в форме рыбы штуковину и сказал:

— Вот тебе подарок! Это — гуделка.

— И что мне с ней делать? — не понял я.

— Гудеть! — радостно воскликнул вождь.

Еще он рассказал, что отныне имя мое — Лунный Светник (то есть тот, кто отремонтировал Луну). И что гуделки — это не просто для музыки, нет! Их голоса вызывают добрых лесных духов, чтобы всем вместе плясать разухабистый танец Короборо!

А я спросил, можно ли нам остаться в племени до утра. Перистый вождь задумался и ответил, что обычно покоты чужаков не жалуют, но для Лунного Светника и его друзей он готов сделать исключение. С одним условием: если я перетанцую его в *короборо-плясании*.

Что делать? Пришлось согласиться!

Разноцветные покошки надели мне на шею ожерелье из живых цветов и закружились хороводом. Покотята принесли корзинки с *песневыми* ящерицами, и те заголосили задорную и залихватскую мелодию. Им подмывали и подкрикивали покóты. И все Манго-Мяо от мала до велика гудели в гуделки, так что, думаю, в добрых духах в ту ночь в Чащобном лесу недостатка не было.

— Мяо-туа-тиаку! Мяо-мяо хоку!

Припрыга вышел в середину круга и расправил крылья. Покоты завизжали в предвкушении танца вождя. А он стремительно взлетел, поднялся выше макушек деревьев, и оп! — камнем спикировал обратно на поляну. Выкрутил лапами в воздухе невообразимый пируэт и, трижды провернувшись, приземлился на траву. Покоты захлопали и заулюлюкали.

Я занял место Припрыга в центре. Для разминки поскакал на одной ноге, потом — на другой... Покружился на месте... Но так *крылательно*, как у Припрыга, у меня, конечно, не получалось. Ну и ладно. Я согнул колени, покачался, подпрыгнул и приземлился на руки. Взмахнул ногами, вскочил и тут же сделал вид, что падаю вперед, а сам — раз! — на руки, — два! — на колено. Вскочил, прыг на босой ноге и — три! — сальто с приземлением на спину. И, не давая зрителям опомниться, закрутился волчком.

Под восторженные возгласы покотов Припрыга подлетел ко мне и протянул руку:

— Ты победил, Лунный Светник, — нехотя признал он. — Теперь ты — мой друг. Если тебе что-то понадобится, — добавил он, — прогуди три раза в гуделку, я забуду о весельях и прилечу!

Резвая пляска Короборо продолжалась до рассвета. Покошки и покоты стучали лапами, прыгали, переворачивались в воздухе и хлопали крыльями. И от плясок, и звуков гуделок было всем радостно и хорошо.

Даже Ё-Бу повеселился на славу: вначале он носился над поляной, толкался и подпевал (то есть трещал, *пиликал* и *телембокал*). А когда его батарея почти совсем разрядилась, опустился на траву и принялся рассказывать покотяткам страшные истории про бандитов и секретных агентов, над которыми он, Победолет Ё-Бу, неминуемо одерживал верх.

Покатушка, сестра Припрыги, угостила нас огромной гроздью бананов. Ведь какой же Короборо без вкусной еды?

Я уселся под старым деревом, и мы с Черешкой устроили банановую *объеду*ху. Так что Короборо в ту ночь удался на славу!

Напугавшись бананами до отвала, я занялся *карторисованием*.

«Поляна, где танцуют Короборо» — написал я. Потом стер резинкой, находившейся на конце карандаша, и переписал заново: «Короборская Поляна». Так лучше и покороче.

С ветвей дерева, под которым я устроился, свисали длинные нити лиан. И все они были выкрашены разными яркими красками. Из любопытства я дернул за синюю... Потом за красную... за желтую... И за все остальные.

— Чебу, смотри! — закричала Черешка. — Какое все стало раскрашенное!

Ой, банана-макарена! Над Короборской Поляной взрывались радужные облака! Не иначе как эти нити были привязаны к корзинкам с красочной пудрой!

Но перепачканные покоты праздник не остановили, и еще шибче продолжили отплясывать. «Мяо-мяо хоку! Лунный Светник опрокинул пыльцу для покраски перьев!» — кричали они, прыгая вокруг меня.

Глава 7. Туда, где творятся чудеса.

К утру гуделки постепенно затихли, а танцы прекратились. Оно и не удивительно: покошки и покоты валились с лап от усталости. Ё-Бу наконец-то зарядил батарейку. А облако радужной пыльцы осело на траву. Разноцветные краски смешались и лежали на поляне грязно-серым ковром.

Припрыга, измотанный, потный и весь перемазанный пылью, подошел к нам. Я извинился, что рассыпал краску для перьев, и предложил ему помощь в уборке, но он отказался. Потом еще раз поблагодарил за Луну. И поинтересовался, с чего это мы вдруг забрели в Чащобный Лес.

Черешка ответила, что мы — *ТРУИЗНЫЕ КРУИСТЫ*. И дело наше очень даже важное: посмотреть как можно больше интересностей, чтобы потом рассказывать всем на зависть, где мы побывали. Ё-Бу принялся, как всегда, самохвалиться. Сказал, что он — Победолет и Суперлетач. А еще — робот-вдохновитель, и по мере

возможности вдохновляет ленивых и *недодумчивых* друзей на свершения и подвиги. И что так его запрограммировали.

А я добавил, что занимаюсь карторисованием острова. И что мы ищем *сильноволебную* Маску-Все-На-Свете-Могущую. И еще рассказал о *колдунятах* — собирателях звезд. И о мешке, который они забыли.

Припрыга ответил, что про *сильноволебную* Маску он, конечно, слышал, но рассказ о ней такой долгий и обстоятельный, что, если бы не уборка поляны от пылицы, он, несомненно, рассказал бы. И что наведение порядка совершенно необходимо закончить ДО того, как прилетят *вреднюки*. Потому что покоты их опасаются. Когда *вреднюки* разбросают *плевачих* кобр, *обжигучих* бабочек-крапивниц и *замагиченные* орехи, будет уже не до уборки, всем придется прятаться на ветвях деревьев. А прилетят *вреднюки* вот-вот скоро. Но в другом случае он с радостью проводил бы нас — Припрыга развел лапами.

Он посоветовал не засиживаться на Короборской Поляне (мое название ему пришлось по вкусу), а скорее отправляться в *дальнюю глубь* острова. Потому что если охота нам чудеса смотреть, с *колдунятами* повстречаться и звезды им отдать, то идти нужно во-о-он туда, по той узкой тропке. А теперь, извините-простите, разрешите откланяться! — Припрыга расправил крылья и улетел на подмогу соплеменникам, которые уже натаскали воды из ручья и достали метлы и веники.

— А не слышал ли уважаемый Припрыга о зловредных велосипедистах? — спросила ему вслед Черешка.

Но Припрыга уже упорхнул.

Непоседа Ё-Бу тут же сорвался с места и полетел между деревьями туда, куда показал Припрыга. Я пошел следом по еле заметной среди травы тропе. На одном плече я нес мешок звезд, на другом — нашу связку бананов. От нее осталась небольшая *напотомка*, которую Черешка пообещала докусать по дороге.

Гуделку я спрятал в карман — мало ли, пригодится. Добрый он, Припрыга. Нехорошо получилось с пыльцой для перьев...

Дереволом в Чащобном Лесу образовывал непролазное сплетение, покрытое толстым слоем мха, папоротников и ярких орхидей с растопыренными в воздухе корнями. И из этого зеленого беспорядка прорастали все новые и новые молодые деревья и лианы. А если сойти с тропы, то начиналась настолько густая чаща, что продрасться сквозь неё оказалось невозможно даже ползком. Там уж явно никогда не ступала даже лапа покотов! «Это — точно, заколдованное место», — прошептала Черешка.

Мрак, духота. Чащобный Лес не пропускал ни *ветринки*!

Едва углубившись в чашу, я наткнулся на странную, поросшую мхом каменную скульптуру. Из папоротников торчала голова толстой совы с острыми рожками, коротким клювом и сложенными на животе крыльями. Сначала я подумал: вот оно, *чудесо*, о котором предупредил Припрыга. Потом оказалось, что сова в лесу не одна. Много рогатых сов, и все разные. Я устал считать. Или это были не скульптуры? А настоящие, заколдованные совы? Совы, даром что каменные, не мигая, следили за мной недобрыми оранжевыми глазами.

Петляя, тропка то пропадала из виду подо мхами и травой, то вновь появлялась. Я шел в зеленом лабиринте, нагибался под лианами и перелезал через сухие сучья. После очередного витка она привела нас к огромному камню... Банана-макарена! Я стоял перед окаменевшей пикирующей совой, еще больше всех остальных, с недобро сдвинутыми бровями, увесистыми рогами, открытым клювом и растопыренными острыми когтями. Ее злые глазищи так и сверкали!

Не откладывая, я решил поставить конец сомнениям о природе окаменелых сов. Положил мешок со звездами и бананы в траву, поднял палку и легонько пощекотал совищу. Раздался оглушительный скрежет... Сова сомкнула каменный клюв: «Ба-бах!»

— А-а-а! Спасите!

Это кричала Черешка. Совища схватила ее за черешок и теперь бедняжка висела в воздухе и истошно вопила: «Чебу-у-у!»

Конечно, когда Ё-Бу так нужен, его не дозовешься! Не раздумывая, я подобрал палку потолще, взобрался на каменное крыло и со всей силы ударил совищу по клюву. От него откололся кусок... Я ударил еще раз...

— Если не отпустишь Черешку, я разнесу тебя на мелкие булыжники! — расхрабрившись, закричал я.

Совища моргнула и раскрыла отбитый клюв. А Черешка приземлилась мне на макушку. Уф...

— Мое *теплочутье* подсказало, — со знанием дела сказал подлетевший Ё-Бу, — что совы эти заколдованы. А мое *насквозьвидение* разглядело, что в камни их превратили не без причины. Они — лютые чебуеды, и лучше к ним не приближаться!

Я ничего не ответил.

Наконец мы вышли из дебрей непроходимого Чащобного Леса, на окраину, похожую на неухоженный парк. Нас окружали деревья высотой с дом, кишасшие разным зверьем, хищным и не очень: *жучились* жуки-древоеды, *жабились* угловатые жабы и *кукали* всякие *кукарекушки*. Отбиваясь от назойливых *обжигучих* бабочек-крапивниц, мы перебрались через груды камней и полезли вверх по склону,

туда, где *ствоилились* фикусы, — наша тропа едва заметно вилась между ними. Да-да, фикусы здесь росли высоченные, не чета вашим домашним кустикам в кадке!

Вскоре Ё-Бу наскучило передвигаться с нашей *шагательной* скоростью. Он сказал, что полетает *истребительно* и с айбушной высоты разведает, не подкрадываются ли к нам злонамеренные велосипедисты. Я обещал смотреть под ноги на случай обнаружения следов *плевачих* кобр или *велодейских проездов*. А Черешка, как настоящий *впередсмотрящий*, следила за происходящим прямо по курсу. Она вызвалась предупредить, если заметит что-нибудь необычное.

Ну, правда, через минуту пришлось уточнить, что жук-долгоног, существо хоть и не совсем обычное, но вопить из всех сил при виде его не стоит. Также запрещено кричать, встречая: больших волосистых гусениц, колючий куст, глубокую лужу и похожий на чудовище ствол поваленного дерева. Черешка, конечно, надулась.

Может, поэтому, когда на тропу из-за раскидистого папоротника вышел лохматый рыже-красный пес, она не проронила ни звука.

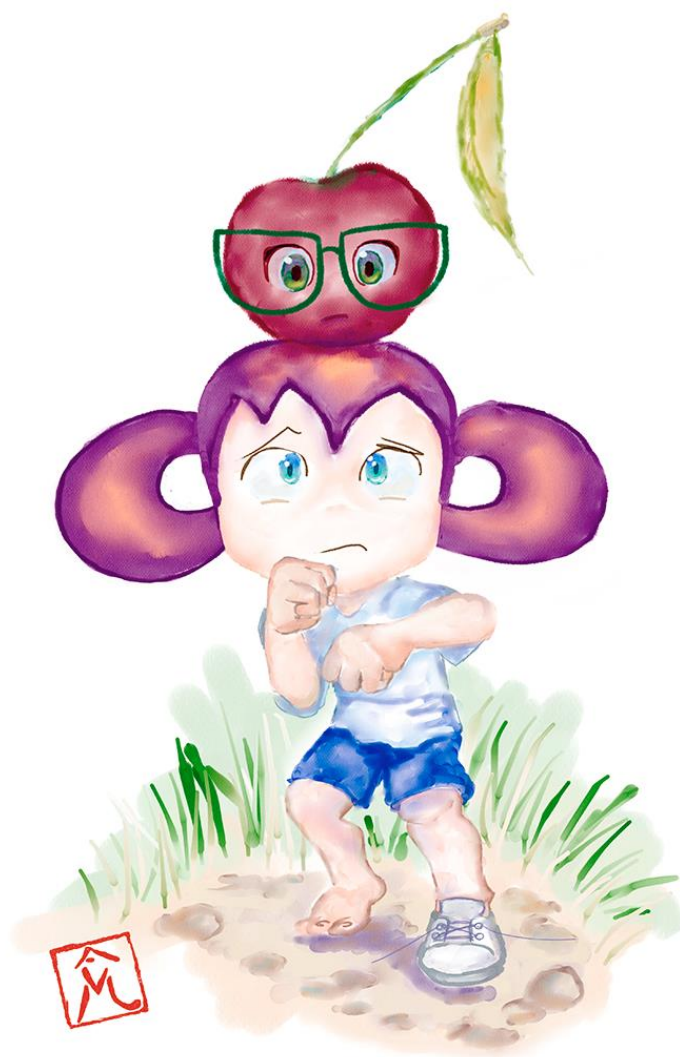
Ох, банана-макарена! Зато я не на шутку перепугался. Ведь знаете, псы — звери *кусатые* и почти что волки. А Чебу для волка не друг, а вкусный обед.

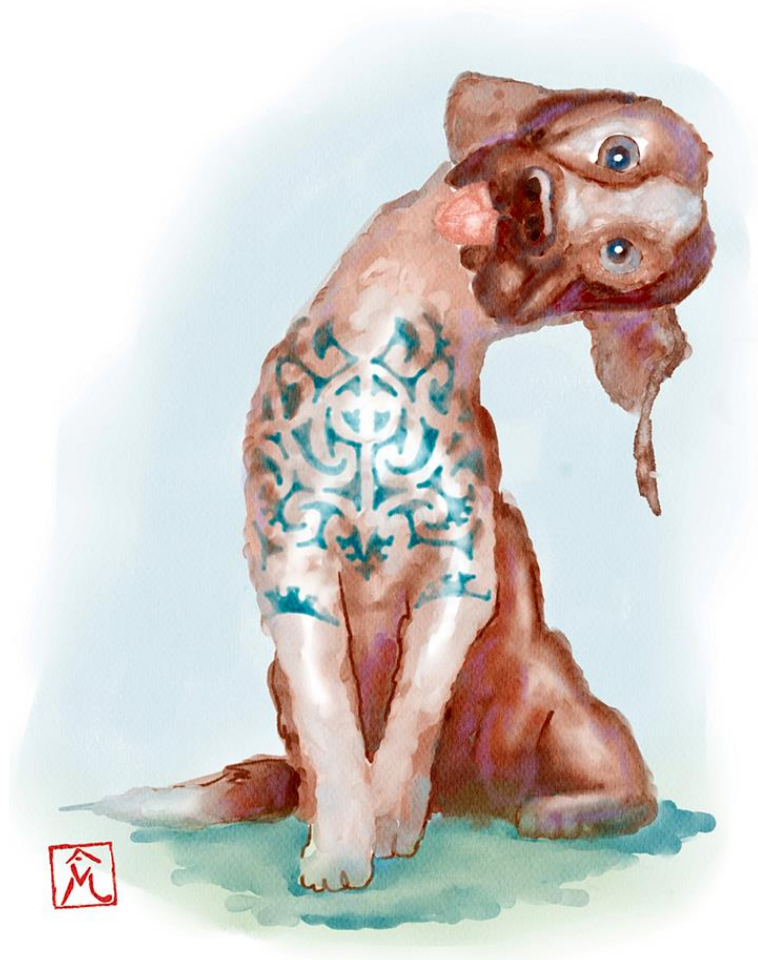
Я остановился и приготовился обороняться — принял боксерскую стойку, такую, которой научился у Супергероя. И *настрашился*: сжал кулаки и сморщил лицо в ужасной гримасе — вот такой. Уверен, даже в одной тапке я выглядел воинственным и *грозливым*. Но пес завилял хвостом и улыбнулся.

Он подошел к нам и протянул лапу.

Я успокоился и тоже улыбнулся. Пожал лапу и спросил, как его имя и чей он, — ведь не бывает добрых псов без хозяев, и собаки — они обязательно должны быть с кем-то.

А он сказал, что пес он ничейный и безымянный. Безымянный — потому что он никогда никому не принадлежал, ни перед кем не отчитывался и хозяина не имел. Поэтому и имя ему дать было совершенно некому. Он объяснил, что домашние любимцы — это плененные дикие звери. А в плену, как не вертись, счастливым не станешь.

Еще он спросил, зачем мы носим с собой упавшие звезды. «Или вы ТОЖЕ умеете закреплять их обратно на небо?»

Я честно признался, что нет, пока не умеем. И идем мы к *колдуньям*, чтобы мешок этот вернуть, потому что они забыли его на пляже.

Черешка добавила, что мы — *КУРИЗНЫЕ УРИСТЫ*, и если где-какие чудеса творятся, то нам очень интересно их посмотреть. И угостила пса двумя оставшимися бананами. Безымянный Пес слопал их с аппетитом и, облизываясь, рассказал, что, так как пес он ничейный, то указания ему давать некому. Поэтому идет он куда вздумается. Сейчас ему вздумалось прогуляться к Небесной Горе. И в благодарность за угощение, он может подвести меня на спине. И что именно там волшебные чудеса и творятся, а творят их те самые *ведьмежата*, которые собирают звезды.

— А зачем они надевают совиные головы? — спросил я.

— Чтобы злыдень их не узнал! С тех пор как он съел старую Луну, им ничего другого не остается! — загадочно объяснил Пес.

— А что, тут рядом живет НАСТОЯЩИЙ злыдень? — ахнула Черешка.

Пес мрачно кивнул:

— Да. Злой колдун-переколдун. Каждый день он присылает *вреднюков*, чтобы пакостить островитянам. Вчера целое семейство *улитов* подорвалось на *замагиченных* орехах. Все как один превратились в жесткошерстных тарантулов, даже самый маленький младенец *улит*... Ух, одно слово — отвратительный Злыдарь!

Этот грустный рассказ прервало появление Ё-Бу. Он стремительно вылетел из-под гладких листьев фикуса, снизился и без слов показал на глазе-экране фотографию пройденной тропы: там, на утоптанной красной земле, поверх моих следов, четко просматривались *проездки* от велосипедных шин!

Черешка вскрикнула от страха.

А я поспешно принял любезное предложение Безымянного Пса и немедленно вскарабкался ему на спину.

Пес быстро побежал вперед. Ё-Бу полетел за нами.

А зловердные велосипедисты? Не знаю. Я решил не оглядываться.

Глава 8. Дорога Заколдованных Сов.

Мы неслись к Небесной Горе быстрее молнии. Безымянный пес устроил настоящие гонки с препятствиями сквозь заросли скачущих деревьев, родственников того, которое мы встретили в Поцелуйной Роще. Мелкие деревца едва успевали вышмыгнуть из-под лап, а те, что покрупнее, суеились, толкались, сновали туда-сюда и стремглав перебежали дорогу. *Пчелягодки* на ветвях жужжали, вибрировали, но с деревьев не слетали. «Они пока не *подозрели*, совсем еще *пчелята*», — прошептала Черешка. А Ё-Бу так обрадовался возможности *наперегонков*, так разлетелся, что вскоре скрылся из виду.

А еще в кустах и траве я насчитал тринадцать окаменевших сов... Ну, ладно, если честно, то сов было больше. Но где-то по дороге я сбился... Каждая сова провожала нас злющим горящим взглядом. Бррр...

Черешка всю дорогу хныкала, что хочет есть, и готова слопать целого слона, и что ничто не сравнится с хорошо прожаренной свежей *слонятиной*. Даже самые *вкуснющие* бананы в мире! Ну, такая уж она *обжорливая*, что с нее взять... Хотя, думаю, она просто испугалась окаменелых сов.

Остановился Безымянный Пес у тринадцатого совиного камня. Узкая вьющаяся тропинка ответвлялась от нашей, огибала камень и, теряясь между цветущими кустами, круто спускалась к берегу. Там, внизу, позади рощи кокосовых пальм синело море, усеянное белыми гребешками волн. А наша дорога поднималась в гору.

— *Колдунята*, которые собирают звезды, называют себя Вау-Вау, — объяснил Пес. — С акулами и другими морскими чудовищами они воюют смело. Вау-Вау вообще никого не боятся, кроме сов и собак. Поэтому лучше мне с вами не ходить. Да и тем более дело у меня внизу: нужно навестить семью несчастных *улитов*.

— Они же стали отвратительными пауками! — ужаснулась Черешка.

— Но внутри-то остались теми же, — Пес вздохнул. — *Улиты* — мои друзья. Пусть теперь и выглядят как жуткие тарантулы.

— У меня тоже есть лучший Друг, — сказал я и запнулся. — То есть был... — я растерялся, — но случилась заковыка... Непонятка... Вот... Теперь я ищу *сильновошебную* Маску-Все-На-Свете-Могущую, которая исполняет желания, чтобы все уладить. Не слыхал ли ты о такой?

Пес кивнул и объяснил, что до *сильновошебной* Маски — так обо всем колдовском лучше у них, у *ведьмежат* Вау-Вау, разузнать. И если мы хотим с ними повстречаться, то нам нужно продолжать подниматься по склону Небесной Горы, пока не увидим пещеру. Вау-Вау живут там, в пустых стволах поваленных деревьев. «Только сейчас никого нет дома, — добавил он. — Днем они обычно ныряют со скал».

— Смотрите не перепутайте! Скоро эта дорога, — он показал лапой на уходящую вверх тропу, — раздвоится. Если повернете налево, то там, за Унылой Топью, живет Болотный Ноль. В той стороне полно разных *кусючих кусак*. Не ходите к нему! Да и скучный он, как старая плесень! Поднимайтесь и держитесь правой стороны... Надеюсь, что эта старая коряга вас пропустит!

— Кто-о-о? — переспросила Черешка.

— Увидите... Не в ладах я с этим деревом, характер у него уж больно скверный... Вот уже три месяца как мы в ссоре... Фруктов его попробуйте, ему приятно будет.

И не дав нам опомниться, Пес убежал. Я пожал плечами и пошел дальше, вперед и вверх по склону.

Очень скоро, как и обещал Пес, мы подошли к *тропковой* развилке, на самой середине которой росла старая корявая хм... *неяблоня*, разлапистая и огромная. Дерево сплошь покрывали крупные фрукты с бугристой кожей, совсем на яблоки непохожие и очень *неукусливые* на вид. Узловатые ветви *неяблони* опускались до земли, непролазно сплетались и мешали проходу.

Перед *неяблоней* кружил Ё-Бу. Он объяснил, что дерево это сторожевое и *мешательное*, и оно было посажено, когда Вау-Вау победили армию Диких Соволавров, которые напали на остров по приказу Злыдаря. И что об этом ему рассказало само дерево. Пока мы болтали с Безымянным Псом, Ё-Бу успел с ним пообщаться.

— Да! — подтвердила *неяблоня*. — Нечего всяким *КУРИЗНЫМ УРИСТАМ* ходить на Небесную Гору!

А я вспомнил совет Безымянного Пса и вежливо поинтересовался, можно ли попробовать *неяблок*. Дерево обрадовалось — да и не удивительно, кому придет в голову лакомиться *неяблоковыми* шишками! — и наклонило ко мне ветку.

Я сорвал одну *неукусливую* шишку, самую светлую. При ближайшем осмотре она оказалась похожа на спелое яблоко, только покрытое *шишачьей* чешуей. *Неяблоня* не шевелилась, ждала. Тогда я насобирал полным-полно этих *шиблаков* — столько, сколько влезало в карманы. «Я попробую их потом, когда будет время!» — пообещал я. *Неяблоня раздобрилась* и — ррраз! — подняла ветви, преграждающие левую тропинку — ту, которая вела в Унылую Топь.

— Нам нужно попасть на Небесную Гору, — объяснил я. — Мы идем к Вау-Вау, чтобы отдать звезды и разузнать про Маску-Все-На-Свете-Могущую.

В ответ *неяблоня* ещё сильнее сплела ветви, что означало одно: к *ведьмежатам* она нас пропускать не намерена.

— Я не был бы гениальным роботом-вдохновителем, если бы не нашел выход, — *самохвально* заявил Ё-Бу. — Если нельзя пройти, значит, можно ПРОЛЕТЕТЬ!

Неяблоня язвительно затрясла ветками:

— Не пролететь, не пробежать, не прошмыгнуть, не проползти, не пропрыгать!

— А прочебучиться можно?

— А-а-а? — не поняли Ё-Бу с Черешкой.

— А? — переспросила *неяблоня*. — Это как это?

Я задумался. Вспомнил, как мы отплясывали вчера с Припрыгой...

— Хм... Ну... Вот так!

Повернулся боком к *неяблоне* и шагнул в сторону, той, что в тапке, ногой. Другую, босую, согнул и — хоп! — качнул коленом к левой. Босыми пальцами ударил о землю. Согнул *тапковую*, босую завернул внутрь, а сам — наискось. Удар пальцами о землю и — оп! — прыжок в сторону *неяблони*... Снова — ррраз! — шаг *тапковой*, качок... Два — босую согнуть, наклониться... Три — удар, прыжок... И... еще... Раз! Два! Три!

На этом «три» ко мне присоединился Ё-Бу — он кружился, взлетал, приземлялся и *телембокал* — *чебучился* как мог. А Черешка подскакивала на макушке.

Изумленная *неяблоня* растерялась и неохотно подняла ветви. А мы, не останавливаясь, так и *прочебучились* под её раскидистой кроной, пока не оказались на ведущей к *колдуньям Вау-Вау* тропе.

— Уж не тот ли ты самый чужак с дырявыми ушами, о котором написано в Пророчестве? Тот, что сразится со злыднем? — донесся вслед голос *неяблони*.

— Что? — я остановился. — Нет. Мне бы Маску найти. У меня всего одно желание, я многого не попрошу...

Неяблоня разочарованно опустила ветви.

Сначала Дорога Заколдованных Сов поднималась по склону. Потом пошла по краю обрыва. А в конце она так круто взобралась вверх, что мне пришлось лезть, цепляясь за оплетающие валуны плющи и лианы. Там, над нами, среди зарослей находилась площадка, выложенная обтесанными красными камнями. Это объяснил *быстрец* Ё-Бу, который поднялся, обогнав нас. От нетерпения он прямо весь *излетался*: мельтешил то вперед, то вверх за широкие фикусовые листья, то возвращался к нам.

Запыхавшись, мы с Черешкой лезли вслед за Ё-Бу. То есть, это я карабкался, а она ехала на моей голове и подгоняла. Взобравшись на площадку, я увидел, что тут дорога обрывалась.

В горе зияла пещера, внутри которой, в обложенном ракушками очаге тлели угли. Вход был частично завален здоровенными стволами деревьев. Рядом громоздилось высоченное изваяние великана, каменное и чародейское. Под облаками, на склоне Небесной Горы, я рассмотрел пещеры поменьше, замурованные камнями. А далеко внизу белел между утесов маленький пляж.

Колдунят Вау-Вау дома не оказалось. Один покосившийся, источенный временем, великан таращил на нас глазищи. *Страшенный* такой... Под его пристальным взглядом я положил мешок со звездами перед входом в пещеру.

Никого. Позади — скала, впереди — безбрежная синь океана. Над нами, вокруг двух вершин Небесной Горы, кружились облака. Под горой сияла лагуна с прозрачной бирюзовой водой, окруженная скалами, — там, думаю, и ныряли в прибой загадочные *ведьмежата*. Гигантские волны накатывали на камни и разбивались у берега. Даже на такой высоте слышался громкий гул моря. А так — тишина.

— Вот *страхость* какая! — воскликнула восхищенно Черешка, показав листком на великана. — А полезли к нему на макушку?

— Ты что, *сумасоилась*? — ответил я. — Ни за что на свете!

Но Черешка разнылась. Сказала, что, если я не хочу забираться по отвесной скале в замурованные пещеры, — а она уверена, что те полным-полны сокровищ! — то должен хотя бы подняться истукану на каменную лысину. А оттуда, сверху, такая-а красота *красовеет*, что если мы этого не сделаем, то все наше *КРУИСТИЧЕСКОЕ ТУРИЗЕРСТВО* совершенно напрасно.

Хм... Тут же подлетел Ё-Бу. «Летану-ка я назад, изучу *проездки* от велосипедистов, — сказал он. — А то *скучность* тут с вами». И умчался прочь.

— Ну же, Чебу-у-у! Поле-е-езли на голову *деда лысовика*! — ныла Черешка.

Эх, банана-макарена...

Вскарабкаться на огромную каменную *глыбину* оказалось делом нелегким. Я порядком вспотел, пока добрался до его плеч, а уж как мне далось *великанолазанье* до макушки, лучше промолчу.

Так или иначе, мы с Черешкой оказались на самой высокой точке великана. Да ладно, я больше не сердился — красотища отсюда открывалась сплошная и во все стороны! Бирюзовый залив, лазоревое небо, а еще остров, похожий на шляпу, оказывается, соседствующий с Нашим.

Черешка охала, ахала, рассматривала море и хныкала, что помирает от голода. Я предложил ей *шиблаков* — все, что у нас осталось съестного. «Ага! — обрадовалась она. — Устроим пикник на лысине у истукана — да все просто обзавидуются!»

Я достал самое зрелое *шиблоко* (при этом Черешка от нетерпения подпрыгивала), счистил бугристую кожицу, разломил и отдал ей большую *пополамку*.

Она громко зачавкала и запричмокивала:

— Мм... Какая сочная *вкуснина*! Похоже на ананас, папайю, клубнику, манго, банан и сливки одновременно! Ням-ням-ням! А если заморозить, то будет — МОРОЖЕНОЕ! Да эти *шиблаки* — *мороженка*, только другой вкусноты!

И я съел свою *пополамку*. Внутри фрукта сидела уйма косточек. Банана-макарена, никогда такого не видел! Два раза по тринадцать и еще чуть-чуть! Не меньше! Да ну его, устанешь отплеиваться...

А Черешка — а она же до сладостей сама не своя! — раскричалась, что такой вкуснятины не ела с тех пор, как покинула Знаменитого Кондитера. И если мне самому не понравилось, то я обязан подумать о друзьях и почистить *шиблаки* для нее. Не знаю, почему я все время ее слушаю...

— Я не обжора, — оправдывалась Черешка, — я — *любительница*! И, вообще, *вкуснины* помогают от всех напастей — хоть от *плевачих* кобр, хоть от *кусючих кусак*, хоть от ангины, хоть от зимы...

Она лопала *шиблаки* и наслаждалась *ТРУИЗНЫМ КУРИЗМОМ*. Причем косточки, негодница, выплевывала на лысину великана.

А я достал карту и нарисовал рядом с Нашим Островом второй, поменьше. «Шляпа» подписал я. Пляж, где Вау-Вау прыгают с камней в прибой, я назвал «Красивый», потому что это так и есть. Про пещеру и каменного истукана тоже не забыл. Там появились: «Пещера Вау-Вау», «Великан Лысовик». А еще «Дорога Заколдованных Сов», «Деревокресток» и «Тропа Болотного Ноля».

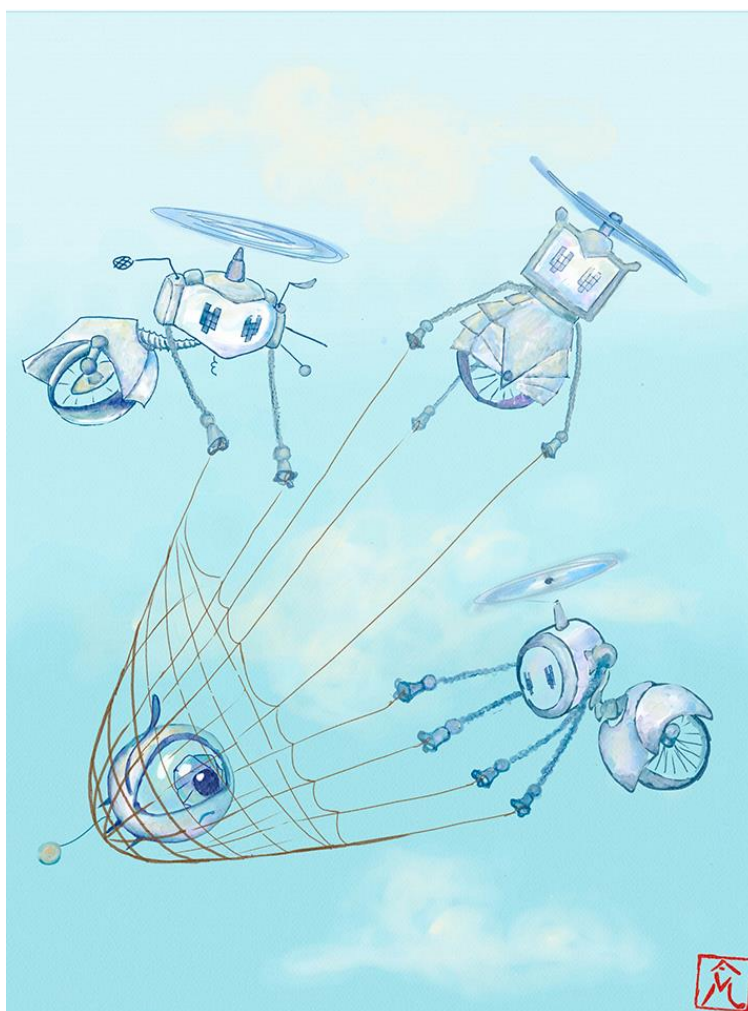
Спрятав карту в карман, я с удовольствием вдохнул ароматный морской воздух.

Вот тут-то все и началось.

То есть, сначала я услышал: «пйии-пйии-пйии» — похожее на сигнал от микроволновки. Или звонок будильника. Хм... Откуда в лесу микроволно...

В то же мгновение перед глазами возник ответ: из зарослей вылетели три странных аппарата с пропеллерами и по одному велосипедному колесу на брата. Они тащили рыболовную сеть, в которой бился Ё-Бу. Это он так отчаянно пищал, призывая на помощь.

Троица взмыла в воздух и полетела в сторону Красивого Пляжа. Они промелькнули над нами быстрее, чем я разобрался в чем дело. Черешка даже не успела вскрикнуть.

Правда, через секунду она опомнилась:

— Что же ты сидишь?! Айбушечку украли зловердные велосипедисты! Догоняй скорее! Ему же *беспомощно* одному!

Банана-макарена, что делать-то? Чебу летать не умеет... Правда, у меня в кармане лежала гуделка, с помощью которой я мог позвать Припрыга!

Не слезая с головы истукана, я достал гуделку и изо всех сил дунул в неё три раза.

Припрыга так спешил, что, когда он прилетел, точка — странные аппараты и Ё-Бу в сетке, — еще маячили вдалеке, возле острова Шляпы. Прежде чем приземлиться, Припрыга не отказал себе в удовольствии протанцевать в воздухе и так, кувыряясь, облетел круг над головой великана.

Когда он *привеликанился*, я сначала извинился за беспокойство. А потом рассказал, что велосипедные летуны похитили нашего Ё-Бу, и нам срочно необходима крылатая помощь.

Я показал ему на удаляющуюся точку.

Припрыга охнул. Даже его разноцветные перья поблекли от страха.

— *Вреднюки* похитили Ё-Бу... — упавшим голосом прошептал он, прикрыв рот лапой.

Ужаснувшись, Припрыга сразу погрузился. Всхлипнул. Вытер глаза. Он оказался очень чувствительный — сидел и плакал, захлебываясь слезами, и это нам с Черешкой пришлось его утешать. Немного успокоившись, он утер слезы и сказал, что произошла настоящая большая трагедия! И случилась она ох, как некстати, ведь сегодня вечером назначено соревнование танцоров Короборо между Манго-Мяо и соседями Гуава-Мяо, прогулять которое он никак не может. А до острова Шляпы полдня добираться. И это только в один конец! Да и, как назло, надвигается шторм, а в такую погоду у него невезучесть к полетам. Так что он и рад бы нам помочь, но как-нибудь в другой раз...

Припрыга снова зарыдал, теперь уже от собственной беспомощности. И обливаясь слезами, засобиравшись на родную Короборскую Поляну. Он взмахнул крыльями и почти было поднялся в воздух, но замешкался. Шмыгнул носом и сказал:

— И если вы не в курсе... На Шляпе той Злыдарь живет, вредный колдун-переколдун... Об этом все знают... Его никому еще не удалось победить...

— И как же нам быть? — расстроилась Черешка.

— У тебя, Лунный Светник, может, и получится. Ты похож на героя-чужака с дырявыми ушами из Пророчества... Я это так, если что... На всякий случай... — его слова утонули в рыданиях, и он взмыл под облака.

Точка, состоящая из Ё-Бу и похитителей *вреднюков*, исчезла из виду, слившись со Шляпой-островом.

— Не горюй, что-нибудь придумаем, — подбодрил я Черешку. — Нет проблем, есть только решения!

Ну да. Черешку-то я успокоил. Но кто успокоит меня?! Ох, банана-макарена, придется выручать Ё-Бу. Нет, только не подумайте, что я возомнил себя невесть кем! Припрыга, конечно, ошибся насчет Пророчества... Ну какой из меня Герой? Я ведь, честно говоря, и плавать-то толком не научился. Хм... А что бы сделал на моем месте мой Лучший Друг? Ну... Пошел бы к папе... Или...

— Черешка, нужно вызвать *полицейнеров*!

— Точно! С мигалками! Идем! Мы им напишем *полицейнерную* бумагу и расскажем, что *вреднюки* украли Айбушечку! — воспряла Черешка. — А куда идем-то?

Я глянул вниз... А там...

Армия, — да такая, что ой-ой-ой! — целилась в нас острыми наконечниками копий и щетинилась рогатыми *палищами*. Тонкая, как иголка, стрела воткнулась мне в плечо. По телу разлилось приятное тепло и...

— А-а-а!

Руки и ноги перестали слушаться, глаза сами собой закрылись — кончик стрелы был пропитан снотворным зельем. Я потерял равновесие и свалился вниз.

Глава 9. Великан Лысовик.

И пока я так кувыркался, мне успел присниться страннейший сон.

Падал я с макушки истукана, падал... Полет мой проходил все медленней, все плавней... Пока наконец — оп! — я не приземлился в ладошку великана. Точнее, *приладонился*. Тут же и Черешка плюхнулась мне на голову:

— Ой!

— Ай!

— Ого! — это сказал великан.

Он больше не выглядел каменным истуканом. У него была загорелая красно-оранжевая кожа и огромный нос.

— Это кто ж такой свалился с моей головы? — спросил он раскатистым басом.

— Это я, Чебу. А там, на макушке, — Черешка.

Великан поднес нас к глазам, чтобы рассмотреть получше:

— И что вы делаете на моем острове?

— Мы — *КУРИЗНЫЕ УРИСТЫ!* — выпалила Черешка.

— Курьезные умисты?

— *КУРИСТЫ-ТРУИЗИСТЫ!* — поправила она. — Мы приплыли на Медузе. Только она не медуза, а черепаха.

— Приплыли на не-медузе? — великан поднял брови.

— И, вообще, нас трое, — вмешался я. — Но вдохновителя Ё-Бу похитили летающие велосипедисты.

— Злодеи на велосипедах? — удивился великан. — Нет у нас таких на острове!

— Так вот и я о том же! Его унесли на Шляпу! Это сделали *вреднюки*.

— Ах вот оно что... Это все меняет... И что вы собираетесь делать?

— Мы вызовем *полиционерскую* машину с мигалками!

— Не знаю, о чем вы. Такие штуки у нас не встречаются, — нахмурился великан.

— Вот чего нужного нехватишься, ничего у вас нет, — проворчала Черешка.

— Хм... — второй ручищей он почесал затылок и принял серьезный вид. — Не годится, чтобы вдохновитель попал в лапы Карвувы!

— Кого-о-о? — в один голос спросили мы с Черешкой.

— Хотите, расскажу?

Я кивнул.

Великан вздохнул — да так, что нас чуть не сдуло с его ладони, и начал:

Эту историю принесли облака. Давным-давно, в те незапамятные времена, когда ничего не было вокруг, — один только бескрайний океан, родилось у Отца Солнца и Матери Воды два сына. Обрадовался Отец Солнце, засмеялся. И от смеха его поднялся из океана остров. На нем появилась двухголовая гора, и такая она была высокая, что подпирала небеса. Там и поселились два сына Солнца. А еще великое множество всяких зверей, птиц и насекомых. У голубых лагун выросли банановые и кокосовые рощи, а в чащобном лесу потекли ручьи с освежающей водой. Славный получился остров, и все на нем жили-поживали в дружбе и согласии

Первого сына звали Рамбамбап, это значит Веселый Нравом. А второго — Карвува. То есть Дрянной и Уродливый. Потому что насколько ладным и телом, и характером получился первый, настолько второй вырос заносчивым и утрюмым уродцем. Рамбамбап поселился на горе выше облаков. Карвува — на пляже у моря.

Карвува причинял жителям острова много беспокойства. И они старались держаться от него подальше. В то время как добрый Рамбамбап питался бананами и манго, жестокий Карвува лопал всех, кто попадался ему на глаза — и плясунов покотов, и смелых Вау-Вау, и перелетных рыб, и *песневых* ящериц — всех! Даже Луну с небес сожрал! От такого поворота дел никто больше не хотел ни петь, ни танцевать, ни играть. Все растения на острове увяли и высохли. Даже жирные угловатые жабы отощали, и на их костях почти не осталось мяса. Пруды стали грязными и заросли водорослями, в них в страхе прятались рыбы. И поселилась на острове великая печаль.

Случилось так, что в те же времена, к острову приплыло страшное морское Чудовище-Которое-Все-Меняет. Это из-за него сделался Карвува злым и коварным. Чудовище целыми днями курсировало вокруг острова, а по ночам из пасти у него вырывался сноп света, подобный огню, и ударял в небо. Свет этот мешал спать Карвуве. Тогда взял он палку, намотал на нее веревку, пропитанную ядом. Нырнул, метнул ее в пасть Чудовищу. Содрогнувшись, чудовище утонуло, а кончик его

хвоста превратился в остров, похожий на шляпу. Перед тем как пойти ко дну, оно успело выдохнуть на Карвуу злоторное заклятье.

Правда, перелетные рыбы судачат, что Чудовище-Которое-Все-Меняет вовсе не погибло, а все еще живет внутри острова Шляпы: и в воздухе, и в земле, и в море вокруг. Иногда по ночам из-под воды бьет сильный луч света. Тому есть много свидетелей. А временами луч этот подолгу никто не видит, но все равно все знают, что Чудовище продолжает жить.

А тем временем жители Острова собрались на пляже, где обитал Карвува. Они разрушили его жилище и выбросили в море его вещи.

Увидел Карвува, что возвращаться ему некуда. Выловил он из воды свои лук и стрелы, да и переплыл на Шляпу. Нашел он там скалы да камни и одно единственное дерево — хищный Гадень-Спугень. Едва Карвува ступил на остров, как Гадень-Спугень тотчас схватило его ветвями — вот-вот сожрет. Меткими выстрелами Карвува сбил ядовитые плоды на землю и победил дерево. И решил, что этот маленький остров гораздо удобнее для жилья. Правда, когда он воевал с деревом, то запрыгнул на его верхушку. Сражение-то он выиграл. А вниз слезть не

смог. Пришлось ему прогрызть себе дорогу внутри ствола. Когда он добрался до основания, то проделал в нем дупло и вышел на воздух. Там, в дупле, он теперь и обитает.

После ухода Карвувы случился у нас праздник! Разноцветные покоты танцевали в лесу залихватский Короборо, размахивая гуделками над головой. На эти звуки собрались все звери, птицы, все добрые лесные духи! Даже Отец Солнце был приглашен! А так как без подарка в гости у нас ходить не принято, то принес он Маску-Все-На-Свете-Могущую, что из рода тех *сильноволебных* предметов, которые исполняют желания. И радости островитян не было предела! Целый месяц длилось гулянье!

А Карвува задыхался от зависти.

И вот однажды, научившись черной и презлейшей магии от дерева Гадень-Спугень, сварил Карвува волшебное зелье. Перелил его в красивую раковину и принес брату: хочу, мол, помириться! А этот сладкий напиток я сварил тебе, дорогой Рамбамбап, для удовольствия и укрепления здоровья!

Остров Шляпа

Пригубил из раковины Рамбамбап, да тут же и окаменел. А Карвува забрал волшебную Маску-Все-На-Свете-Могущую и поспешно полетел к себе на остров Шляпу.

Не успел он взлететь, как вдогонку ему бросились бесстрашные Вау-Вау. Они оседлали заколдованных стрекоз и догнали Злыдаря над Красивым Пляжем. Едва Карвува заметил погоню, как оборотился страшным крылатым чудищем: с тремя ядоносными рогами, шестью когтистыми лапами и острым, как меч, хвостом.

Закипела над морем битва. Карвува разрубал несчастных *ведьмежат*, дышал на них огнем, протыкал и разрывал зубами на части. Но отважные маленькие воины не сдавались, разили его заклятиями огня и воды. В самый разгар битвы удалось одному *ведьмежонку* проскочить между пламенных струй к самой голове Карвувы. Изловчился он, произнес самое боевое из заклинаний, замахнулся и — вжих! — полоснул по голове Карвувы. Да только в последний момент Злыдарь извернулся и — клак! — проглотил героя. Но кровь застилала ему глаза, и ослепленный, не мог он больше сражаться — колдовство срезало с головы Карвувы все три ядовитых рога! Тут же налетели остальные Вау-Вау и отрубили ему когтистую лапу, сжимающую Маску. От боли Карвува взвыл и, собрав последние силы, ретировался к Шляпе, обдав напоследок *ведьмежат* струей пламени. А Маска рухнула в океан.

— А как же он выжил?

— Вернувшись на Шляпу, Карвува забрался внутрь злотворного Гадень-Спугень. Дерево вылечило его, да еще и прибавило волшебной силы. Когда Карвува окреп, он собрал войско из диких и безжалостных Совотавров и опять напал на нас. Но смелые Вау-Вау победили и их. С тех пор Карвува на Остров не совался...

Великан снова вздохнул. А Черешка уточнила:

— Значит, вы и есть Рамбамбап?

Он грустно кивнул:

— После того как брат превратил меня в каменного истукана, я могу разговаривать с островитянами только в их снах. Как с вами сейчас, — Рамбамбап опустил нас на землю. — Ну да вот оно что. Беда грозит вашему вдохновителю! Мой брат — пропасть вредностей!

— Придется нам как следует *нахрабриться* и отправиться на Шляпу, — вздохнул я.

— Ой... Там же вредень-перевредень волшебствует... — еле слышно прошептала Черешка. — А на какое чудище он похож? Он такой же огромный, как вы?

— А вот этого я сказать не могу, — пожал плечищами великан. — Карвува называет себя Колдун-Со-Множеством-Лиц. Не знаю, какую личину он наденет!

— А эта Маска-Все-На-Свете-Могущая, — решил спросить я, — и правда могла все-превсе мечты *сбывать*?

Великан кивнул:

— Когда маска была тут, на Острове, она исполняла желания всех детей на земле! А теперь этим занимаются падающие звезды. Да только вот беда, — покачал огромной головой Рамбамбап, — звезд на всех не хватает! Если так пойдет и дальше, то скоро на небе не останется ни одной!

— Поэтому *колдуныта* и собирают их?

— Да. Каждый вечер, рискуя свалиться в океан, они вешают звезды обратно на небо. Но не волнуйтесь, днем *ведьмежата* ныряют у скал возле Красивого Пляжа, в том месте, где утонула Маска. Когда-нибудь они ее найдут... Ну да хватит болтать! Если вы хотите выручить вашего Вдохновителя, то нужно спешить! Не могу вообразить, какую гадость замышляет Карвува! Так что, торопитесь! Живее... А ну! Просыпайтесь!

Просыпайтесь!..

Просыпайтесь...

Глава 10. В плену у Вау-Вау.

На этот раз Вау-Вау совиных голов не надели. Первое, что я увидел, когда открыл глаза — их мокрую от купания шерстку. Откуда ни возьмись, они повыскакивали на каменную площадку, причем морды у всех были презлейшие. У меня даже закралось подозрение — уж не чебуеды ли они в глубине души?

Я попробовал встать — и тут же грохнулся. Банана-макарена! Руки и ноги оказались скручены крепкими лианами, а Черешку привязали к воткнутому в землю копью за черешок.

Вау-Вау толпились вокруг и наперебой тараторили. Ростом они едва доходили мне до пояса, зато обладали очень даже *рычebными* голосами, напоминающими грубый и *басный* говор больших собак. И к тому же *ведьмежата* оказались так болтливы, что их *рычь* спугнул с террасы всех насекомых. *Жучницы* и *мурашки* бросились врассыпную, а всякие мелкие *кукарекушки* попрятались по кустам.

А еще... Без грозных совиных голов Вау-Вау походили на простых полевых мышей.

Черешка умоляюще захныкала:

— Ну, сделай что-нибудь, Чебу-у-ушечка... Ты же повторял, что есть одни *выпутывалки*!

Я *нахрабрился* и очень серьезно потребовал:

— Говорите мне, кто у вас тут главный, а кто полуглавный? К кому мне обращаться? Потому что дело у нас наиважнейшее и на пустую болтовню времени нет!

Вперед выступила самая маленькая мышка, в огромной цветочной короне и в ожерелье из ракушек. Сказала, что она за главную.

— Мы вас искали... — начал я.

— Мы — не грибы *подкокосники*! Зачем нас искать? — перебила она.

Я растерялся.

Королеву Вау-Вау звали Кучерявка. Она объявила, что мы проявили неуважение к Великану Рамбамбапу, хранителю острова, испачкав плевками его почтенную лысину. И что такое преступление сурово наказывается: нас превратят в

пиявок. Или в блох. Или — карамбамбае! — приготовят из нас волшебный компот, чтобы с его помощью отпугивать других незваных посетителей.

Я хотел возразить: кому придет в голову мусорить на лысине почтенного истукана! Но тут вспомнил о Черешке с ее *шиблаками*... Куда она плевала косточки?..

— Не надо нам угрожать *напугами*! — запротестовала Черешка. — Мы думали, что *Лысовик* ваш — камень *отдыхательный*. И против вас, МЫШЕЙ, мы ничего не *замысливали*!

Лучше бы она молчала!

Королева оскалила зубки. Сжала кулачки. Затопала лапами и завизжала:

— Мы — не МЫШИ! Вау-Вау — СВЕРХМЫШИ! Наши великие предки выиграли войну с дикими и кровожадными Совотаврами! СВЕРХМЫШИ Вау-Вау владеют древними и могучими колдовскими секретами!

Ситуация нарисовалась напряженная. Ну да, помню, — проблем нет, есть только решения... Я собрал в кучу все самые *мыслистые* мысли. Кто за нас заступится-то? Великан-лысовик, он — *приснилка*, только и может что *комусниться*. Нужно выкручиваться самим.

Я откашлялся и попросил прощения у *госпожихи* Кучерявки. Попросил почестному, а не для спектакля. Мне и взаправду было стыдно — нехорошо это, мусорить без разрешения на лысинах у добряков. И еще я сказал, что зелье-отпугиватель непрошенных гостей — вещь, безусловно, в хозяйстве необходимая, но едва ли им пригодится на этом Острове, потому как найти его в океане крайне сложно. И если бы не штормовая ситуация, которая занесла нас сюда, вряд ли мы его отыскивали. А если ее величеству угодно превратить нас в насекомых, то это — лучше в другой раз. Так как сейчас мы очень спешим. Нам срочно необходимо добраться до острова Шляпы, чтобы спасти Ё-Бу от злого колдуна Карвувы, который его похитил.

Кучерявка лукаво прищурилась:

— Не хочешь ли ты сказать, что Неопознанный Летающий Светун, который помогал нам собирать звезды, это и есть твой похищенный приятель?

Я кивнул. И добавил, что приятель мой очень даже опознанный, и зовут его Ё-Бу. И он — бот, запрограммированный вдохновлять на добрые дела.

Королева задумалась. Почесала кучерявую голову под короной. И сказала:

— Сочувствую вашему Ё-Бу. Потому что средства такого, которым можно Карвуву одолеть, Вау-Вау ещё не нашли. А это значит, что оружия такого вовсе не существует, и Карвува — колдун НЕПОБЕДИМЫЙ!

Я скрестил пальцы — это обязательно нужно делать, когда хочешь кого-то обмануть, — и выпалил:

— А не сказано ли в вашем Пророчестве о герое-пришельце с дырявыми ушами, который Карвуу одолеет, а? Так вот он — это я!

Королева замерла в недоумении. Смерила меня взглядом — от уха до уха и обратно. А по племени *ведьмежат* пробежал говорок: «Пророчество... герой с дырявыми ушами... Сбылось!»

— Так что отпустите нас немедленно на остров к злодею! — и для убедительности я даже топнул *тапковой* ногой.

— Пророчество появилось на стене этой пещеры после того, как Вау-Вау превратили Совотавров в придорожные камни. Оно написано на таком древнем языке, на котором уже никто не говорит. Так что перевод про «дырявые уши» может быть неточным. Как и слова о том, что «отважного героя ждет гибель от злокозненных веток и сучьев».

Ожидая поддержки, она оглянулась на соплеменников. Но те уже улыбались и подталкивали друг друга локтями: «Карвууе конец! Это — герой из Пророчества!»

Кучерявка покачала головой и уперла лапы в бока:

— А я считаю, что *плювальщик* героем быть не может! И наказать его нужно как можно строже! — *ведьмежата* за ее спиной недовольно заворчали. — Ладно... Придется спросить совета у Волшебных Жемчужин! А пока вы, Ремнезуб и Шилохвост, — она показала на самых мускулистых *колдунят*, — оставайтесь сторожить преступников.

Королева гордо вскинула голову и важно проследовала в пещеру гадать на жемчужинах. Остальные Вау-Вау поспешили за ней. А Ремнезуб и Шилохвост скорчили нам презлейшие гримасы и уселись неподалеку, не сводя глаз с меня и Черешки.

Глава 11. Без минуты чебустрофа.

Солнце клонилось к вечеру, а *ведьмежата* Вау-Вау все не *наволиебились*. Пока мы ждали приговора, нас прилетели проведать старые знакомые — поцелуйные пчелы. Покружили-покружили, расцеловали меня с Черешкой и *ужжужужжали* прочь.

Ремнезуб и Шилохвост выстругивали острыми раковинами древки для будущих копий. Время от времени они бросали на нас подозрительные взгляды — уж не собираемся ли мы улизнуть? Да куда там! Лианы крепко стягивали мои запястья и щиколотки. И как я ни старался, как ни вертелся, как ни ерзал, развязаться не получалось.

В тишине чирикали птички, а далеко внизу под горой гудел прибор. Внезапно к этим звукам прибавился еще один. Мне послышались шаги мягких, осторожных лап. Или не послышались? Или кто-то по-настоящему подбирался к нам среди зарослей, избегая тропы и стараясь остаться незамеченным? Я весь оборотился в слух. Ну да! Шаг... Еще... Мхи тихо-тихо хрустели под подушечками лап...

Гррр... Гав! Гав! Гррр!

Стрррашное рррычание оглушило меня! Такого рыча я никогда не слышал! Черешка зажмурилась, а Ремнезуб и Шилохвост даже подскочили на месте от ужаса.

Гав! Гав-гав-гав-гав-гав!

Сторожа побросали палки и ракушки, и, растеряв всю храбрость, без оглядки побежали к пещере.

А из кустов как ни в чем не бывало вышел Безымянный Пес. Я не успел опомниться, как он подскочил и перекусил опутывающие нас лианы.

— Ловко я их *выпугнул* отсюда, а?! А теперь — быстро садитесь ко мне на спину! — приказал он тоном, не терпящим возражений. — Все объясню по дороге!

Второго приглашения не потребовалось! Черешка запрыгнула мне на макушку, а я — на спину к Псу.

Он в один прыжок оказался на тропе и понесся вниз, перепрыгивая через камни и листья папоротника. Я только и успевал, что хвататься за его густую шерсть! Пес мчался со всех ног и закладывал такие крутые повороты, что на каждом вираже я, того и гляди, рисковал свалиться в пропасть!

— Вам повезло, что Припрыга такой болтун! — на бегу объяснил Пес. — Это он растрепал всему острову, что Карвува похитил вашего друга, а Чебу — воитель из пророчества, отправился его спасать. Я как раз решил искупнуться на Красивом пляже. Вылезаю из воды — а тут — поцелуйные пчелы. *Жжукают*, что Кучерявка надумала устроить казнь... И я — сразу к вам! Надо спешить! Приближается шторм!

И действительно, небо на горизонте затянулось мрачными тучами — скоро они поглотят солнце!

Не успели мы опомниться, как уже стояли на Красивом пляже. Я стал благодарить Пса, а он отмахнулся — не теряй времени, плыви скорей, выручай друга!

Мы побежали по горячему песку. У кромки воды я резко затормозил.

— Ну, чего же ты ждешь! ПЛЫВИ! — закричал Пес.

Я не *бояк*, какой-то, не поймите меня неправильно! Просто нет времени объяснять, что пловец, я, в общем-то, так себе. Олимпиаду бы не выиграл. Даже среди дошколят. Ну и ладно. У меня же есть другие достоинства... Я, например, **СОВСЕМ НЕ БОЮСЬ МОЕЙ АКУЛИСТОЙ РЫБЫ!** Ну ни капельки не боюсь... Ни грамулечки...

— Поплыли! — торопила Черешка. — Там Айбушечка нас заждался! А я буду твоей *за-морем-смотрящей!*

Да, бедняге *украдышу* I-Бу не позавидуешь.

И я зашел в воду... По щиколотку... По пояс... По грудь...

— Возвращайтесь скорей! — услышал я за спиной голос Пса.

Остров Шляпа чернел прямо передо мной на фоне зловещих туч. Что там сказал Припрыга — до него полдня пути? Эх... Я хотел вернуться и признаться Псу, что это была выдумка — и никакой я не герой. Просто похож на кого-то... Но волна захлестнула меня и потащила на глубину.

Шторм подхватил меня, закружил и перевернул, словно мешок картошки... Я барахтался, вертелся, размахивал руками... Но упрямое течение уносило меня в открытое море, прочь от яростного прибоя. Я кувыркался, глотал воду, задыхался... И начал тонуть...

Передо мной в водовороте кружились рыбы, водоросли, пузыри и песок — все смешивались пестрым калейдоскопом, и на мгновение мне показалось, что на дне что-то блеснуло... Ну конечно! Маска! Банана-макарена! Я четко различил золотые узоры на ее раскрашенном боку... До нее казалось, рукой подать. Еще нырок — и вот она, тут, у меня в руках — загадывай желание... Я погружался все глубже и глубже... Еще чуть-чуть, и я смогу вернуть себе то, о чем так сильно мечтаю — дружбу моего Супергероя!

Черешка дрожала, вцепившись зубами в мое ухо. А что же будет с ней? Она-то, дуреха, наверное, и воздуха-то достаточно не набрала... Она же утонет... задохнется...

Маска манила меня сиянием, и голубые искорки танцевали на ее гладкой поверхности. Пустые глазницы подмигивали, а широкий, от уха до уха, рот ухмылялся.

Эх, банана-макарена! Чебу, начинай всплыв!

Маска сверкнула мне на прощание и растаяла в штормовой круговерти.

Я развернулся к свету, бьющему через толщу воды. Та-а-ак, спокойно... Спокойно, Чебу! Ведь нет проблем... нет... есть одни решения... Гребок, другой, третий... Еще чуть-чуть...

И я всплыл на поверхность.

Вдохнуть... Выдохнуть...

Быстро-быстро я задвигал руками. Потом — размеренно... Вдох — выдох... И погреб по-собачьи, высоко держа голову над водой. Ух! Я плыл!

А Черешка расплакалась. Сказала, что думала, что мы *утопнем насовсем*, и что она никогда больше не съест ни одной *вкуснины*. А я ответил, что ни за что на свете не позволил бы морю её утопить. И что я только на минутку *притонул* и, видишь, тут же *вытонул*. Я знал, как надо плавать, просто никогда еще не пробовал...

За спиной раздавался рев прибоя. Впереди маячила черная тень зловредного острова. Вокруг — огромный океан. А я плыл, и шустрые летающие рыбы махали мне крыльями, выпрыгивая из волн. Черешка успокоилась и удобно устроилась у меня на маковке. Она объявила, что из-за меня нахлебалась соленой воды, и ей хочется пить, а воду мы забыли, и у нее *в сохе перегорло*...

Плавание наше продвигалось успешно и с *быстрочебушной* скоростью.

А я размышлял о том, что я видел Маску. Нет, не так. Я ВИДЕЛ МАСКУ! Банана-Макарена, почти коснулся! Эх, да ладно. Но, представьте, я ни о чем не жалел, и случись это вновь — не передумал бы.

И тут кто-то коснулся меня под водой... Я погреб еще проворнее... Кто-то дернул за ногу...

— Я вижу тень под нами! — дрожащим голосом воскликнула Черешка.

А я не ответил. Я греб к Шляпе и заставлял себя не думать об аку... не думать ни о чем другом, кроме спасения Ё-Бу... Но кто-то подводный настойчиво дергал меня за пятку...

Я заработал руками и ногами что есть силы, пока не...

— Не так быстро! Мне за вами не угнаться!

...пока не услышал голос Медузы!

— Медузушка! — заорала Черешка. — Как ты узнала, что мы плывем на Шляпу?

— Бюльбюль рассказал мне, — ответила Медуза, всплывая на поверхность, — а ему — кто-то из перелетных рыб.

Вы даже не представляете, с какой радостью я пересел ей на спину! Черешка немедля пожаловалась, что мы чуть не *утопли*, вот ну еще чуть-чуть — и произошло бы самое печальное *чебукрушение* и *чебустрофа* в истории *чебуплавания*!

Но, честно говоря, Медуза ее не очень-то слушала. Она все время перебивала и без остановки болтала о своем новом друге, дельфине Бюльбюле. Похоже, она крепко в него *вдружилась*. Бюльбюль, как и Медуза, обожал ужастики и разного рода страшилки. Познакомились они возле одного такого *обожания* — у остатков затонувшего корабля «Знание-Сила», принадлежащего не то военным, не то ученым. А скорее, и тем и другим вместе. Потому что после того, как корабль в щепки разлетелся, налетев на морду Чудовища-Которое-Все-Меняет, на поверхности воды осталось плавать видимо-невидимо опасных предметов. Некоторые из них утонули, другие течение вынесло на берега Нашего Острова. Но большую часть — на Шляпу.

— Так вот... Мой Бюльбюль видел, как на Шляпу прибило большой ящик. Знаешь, Чебу, тут все такие бояки, никто не *сотважничает* приблизиться к острову вредня Карвувы. А мой Бюльбюль — он такой *смелюшечка*! Он спрятался за камнем и все подсмотрел. Он у меня такой *пущичка*, такой *лапочка*, такой *мимишечка*...

Уф!.. Если выкинуть все эти ее девчоночьи *сюси-пуси*, остаток рассказа Бюльбюля получится следующий: Карвува нашел ящик. Открыл. А там — три

престранных металлических создания с пропеллерами на головах и на велосипедном ходу: три *вреднюка*. Каким-то образом, — недаром Злыдарь — умелый колдун-переколдун, — он оживил машины. И те стали ему служить.

— Это они утащили нашего Айбушечку! — воскликнула Черешка. — Но мы же их не боимся, верно, Чебу?

Я решительно кивнул.

Темная шляпа острова приближалась. По дороге нас сопровождали стаи перелетных рыб. Они выпрыгивали из воды и махали нам крыльями:

— Пророчество сбылось! Чебу плывет на Шляпу! — кричали они наперебой. — Чебу с дырявыми ушами убьет Злыдаря Карвува! Чебу — герой из Пророчества!

Ох, это все Припрыга! Выдумал на ровном месте и растрезвонил по всему океану! Ну вот, из-за этих болтунов Карвува не будет в *расплохе*, когда мы приплывем! Ррр...

Небо над нами затягивалось зловещими чернильными тучами. Вдалеке, у горизонта, искрились и били по морю острые яркие молнии. И присутствие на Шляпе трех механических *вреднюков*, потерянных *учеными-военниками* и оживленных злым колдуном, не предвещало ничего хорошего.

Глава 12. Карвува.

Вы, как и я, ожидали увидеть на Шляпе густой зеленый лес, плакучие пальмы над бирюзовой водой и гостеприимных *глазорогих* крабов на белом песочке?

Ничего подобного!

Злыдарь Карвува погубил на острове все живое!

Медуза причалила к берегу Шляпы и выползла на пологий пляж. Я спрыгнул с ее спины и огляделся. Под ногами ЧЕРНЕЛ обжигающий песок, перемешанный с мелкими острыми камешками. Тут и там торчали высохшие колючие кустики — вот вам и вся растительность! Ни дерева, ни травинки. Солнце беспощадно жгло незащищенную тенью землю. Кругом — черная зловещая пустыня. Позади пляжа — мертвые белые стволы без коры и листвы. Голые сучья костлявыми пальцами тянулись к свинцовому предштормовому небу.

А еще везде валялись отбеленные солнцем кости, кривые рога, оторванные клешни и черепа съеденных злодеем несчастных животных. Жуть!

Я посмотрел направо... Потом налево... И на «тулью» шляпы — скалистую Чернострашную скалу в центре острова, плоскую вершину которой окутывал

мрачный зловещий туман... Куда ни повернись, одно и то же: изъеденные ветром камни, сухие кусты, скрюченные скелеты.

Неподалеку, на мертвом дереве, сидела большая птица хищного вида, с уродливым корявым рогом на затылке. Черная и зловещая.

«Ух, впила в нас глазищи...» — прошептал я. Подобрал камень и запустил в неё. Жуткоптица закричала, взмахнула крыльями и скрылась из виду. А от ее жуткого голоса по острову прокатилось эхо.

Несмотря на душную жару, я поежился.

— Смотри! — закричала Черешка — Там *проездки*!

Чуть в стороне от того места, к которому мы причалили, черный песок перечерчивали извивающиеся линии велосипедных шин — следы трех найденышей Карвув.

— *Проездки* приведут к Айбушечке! — закричала довольная своей наблюдательностью Черешка.

— План такой: разыщем, где Злыдарь прячет Ё-Бу и украдем его обратно! — скомандовал я.

Медузу решено было оставить на пляже — плавает-то она прекрасно, ничего не скажешь. Но на суше такая медлительная! И если придется убегать — точно не справится. Правда, тут же выяснилось, что черепахи — не лодки, якорей у них нет и ждать, не сходя с места, они не могут. Медуза обещала плавать туда-сюда на мелководье и следить за берегом.

А мы пошли вдоль длинных волнистых линий с ромбиками — отпечатков от колес, обходя стороной зубастые черепа и острые клешни. Они ползли следом, так и норовили схватить, а черепа щелкали челюстями. Я ловко перескакивал через них, пока...

Ай! Ой-ой-ой!

...пока не проморгал один, и он больно впился в меня зубищами. Гадский череп незаметно подкрался, раскрылся и изловчился укусить за ногу (за ту, что босая). Он крепко стиснул лодыжку между острых зубов, как в капкане. Я взвыл от боли. Попробовал разжать челюсти и снять череп. Да куда там! По щиколотке потекла струйка крови — череп жевал мою ногу, явно намереваясь откусить. Чтобы не кричать, я сжал кулаки...

— Теперь мы никогда до Айбушечки не дойдем! — всхлипнула Черешка.

— Дойдем! — сказал я упрямо.

И попробовал сделать шаг. Но череп сильнее сжал зубы, и я едва не упал. Ай-ай-ай! Банана-макарена!

Неожиданно Черешка, издав победоносный клич «Урррааа!», соскочила с моей головы и, оттолкнувшись от земли, как заправский футбольный мяч, со всей силы напрыгнула на череп. Отскочила — и снова — прыг! Хлоп! — на череп. Она так насакивала и насакивала на него до тех пор, пока кости не треснули и челюсти не раскололись на части.

— Так тебе, *кусака!* — выдохнула она и гордо запрыгнула обратно на макушку.

Уф... Я похромал дальше, волоча покусанную ногу. Ковылял и постоянно оглядывался. Если бы не черный цвет песка, в моих следах были бы видны капельки крови. Очень неосмотрительно для того, кто хочет тайно пробраться в жилище злого колдуна.

Черной птицы нигде не было. Зато песок принялся подозрительно шевелиться — сначала вдалеке, но все ближе и ближе, пока не задвигался и не заходил волнами вокруг нас. Внутри, под песком, кто-то перемещался, не отставая ни на шаг! Один раз он заплыл вперед. Я увидел, как из вершины песочной дюны высунулась

треугольная голова, покрытая чешуей и увенчанная корявым рогом, точно таким же, как у черной жуткоптицы. Открылась полная острых зубов пасть и в нашу сторону выстрелил ярко-синий раздвоенный язык... Бррр... Голова тут же пропала... Банана-макарена! Вот *страхость*! Надеюсь, Черешка не заметила...

Шаг за шагом, *проездки* привели нас к подножью Чернострашной скалы. Дальше следы обрывались.

В крутом склоне виднелись выбитые в камне ступени, покрытые трещинами и сколами. Я подтянулся на руках и, цепляясь за скользкие выступы, полез вверх. Ни поручней, ни перил... Отвесно поднимаясь над обрывом, неудобная лестница обвила Чернострашную скалу и привела нас на плоскую вершину. Туда, где обитал Карвува, Колдун-Со-Множеством-Лиц.

Ни Ё-Бу, ни *вреднюков*... Ни самого Злыдаря. Вся площадка была закидана рыбьими костями, комками шерсти, обрывками и объедками — беспорядок дома у Карвувы царил знатный.

В центре площадки клубилось черное облако. Чернильные разводы перемежались вспышками коротких зигзагов молний, и внутри этой тучи что-то недобро рокотало. Под облаком, в плетеных клетках, трепыхались бабочки-крапивницы, змеились *плевачие* кобры и лежали *замагиченные* орехи. Чуть поодаль стоял большой — в три *чебушных* роста — пластиковый ящик с гладкими, блестящими стенками.

Над обрывом, длинная подзорная труба была прикреплена к камню и повернута в направлении моря и Нашего Острова, зеленеющего вдали. На противоположной стороне, рядом с нами, жарко полыхал костер. Над костром висел неопрятный закопченный котел. Там что-то булькало, кипело и дымилось. Вокруг — ни души.

Черешка немедленно разрыдалась — решила, что в котле Злыдарь варит нашего Ё-Бу. Я ответил, что это маловероятно, ведь Ё-Бу — за это мы его и любим — *метальный*, состоит из всяких премудрых железных *штулечек*, и, строго говоря, не съедобен. Конечно, эта несъедобность не мешает зловредному Карвуве сотворить с ним какой-нибудь айбупротивный эксперимент, вроде бросания в кипяток. Но об этом я Черешке не сказал.

Мы подошли к котлу. В прозрачном бульоне варилась семья перелетных рыб, тех маленьких балаболов, что летели рядом с нами во время плавания: две родителей и трое детишек. Как жалко... Они же совсем безобидные говоруны... Летают, сплетни разносят... Беззащитные такие...

Я сжал кулаки. Гад он, этот Карвува.

А Черешка потянула носом воздух и сказала:

— Мм... В супе не хватает перца, и я бы добавила тмина и розмарина...

— Ты — кушательная машина, Черешка!

— Хм... Если закопать рыбные кости, то из них вырастит дерево, а на нем — новые рыбки!

— Ты только что по пути на остров болтала с ними!

— Ну да... — растерялась она. — Но они же такие *вкуснющие*! Уплела бы их за обе щеки!

— Ты прямо как *зверь животный*! Разве тебе их не жалко?

— Я — рыбница, мясовица и колбасница.

— Тогда ты ничем не лучше Карвувы! — разозлился я. — Перелетные рыбы — друзья, а не еда! Съесть друга — это предательство. А друзья друзей не предают!

Наш спор грозил разгореться до ссоры. Но тут черное облако с рокотанием осело на землю. А за ним скрывалось... ох... зловещее дерево Гадень-Спугень — я узнал его по корявостям толстого ствола, дуплу у основания и колючей коре. Вместо листьев его шипастые ветви покрывали хлопья черного тумана. Дерево ошетинилось и повернулось в нашу сторону. Оно махало и загребало ветвями, изо всех сил стараясь нас схватить. Я отступил на самый краешек площадки, едва удерживая равновесие — острые иглы пролетали перед носом.

— Лучше вам было не приближаться к Чернострашшной скале! — прошипело Гадень-Спугень. — Уходите!

— Карвува украл нашего друга, — ответил я, — без него я не уйду!

— Тогда я уничтожу васс!

Дерево наклонилось, потянулось, изловчилось и... Шипастые гибкие прутья обвили меня и Черешку, а затем резко подняли в воздух... «А-а-а!» — вопила она, барахтаясь среди колючих ветвей. Нас опутало в кокон и закрутило в воздухе... море и небо смешались... А-а-а! Дерево кружило нас над пропастью, раскручивало... вот-вот бросит... расплющит о скалу... низ и верх поменялись местами... мы вертелись все быстрее... А-а-а!

Синее и черное мелькало и сливалось... а-а-а!

Внезапно круговорот остановилась. Мы зависли над пустотой.

А на площадку приземлилась та самая однорогая птица, что следила за нами с мертвого дерева.

Едва ее лапы коснулись камней, как она тут же превратилась в огромного черного змея с единственным корявым рогом на плоской голове. Его глаза горели, а из пасти выстрелил раздвоенный синий язык.

Ох, банана-макарена... Перед нами предстал сам Карвува, злой Колдун-Со-Множеством-Лиц! Он кивнул и, повинуясь его приказу, дерево опустило нас на площадку. Черешка немедленно запрыгнула мне на голову.

Змей-Карвува подполз ближе. Под его магическим взглядом я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Я хотел *напугаться* и принять *победячую* боксерскую стойку, но не мог пошевелиться. Змей обвился вокруг меня, медленно, виток за витком, зажимая в кольца. Он змеился таким длинным и страшным серпантином, что я подумал, он никогда не закончится.

Когда голова змея оказалась на уровне моей, он прошипел:

— Бойся...

— Не хочу! — ответил я.

Змей принялся:

— Вы — такие вкусные! Ммм... Именно вас и не хватает в моем вечернем супе!

Банана-макарена, ну почему я такой съедобный!

Черешка всхлипнула.

А Карвува продолжал размышлять вслух:

— Или вкуснее вас съесть сырыми?

Он резко свернулся, отполз и — оп! ух! хлоп! — превратился... О нет... Карвува *перекрокодил* в гигантского аллигатора с двойным рядом зубов и корявым *однорогом*...

На кончик моего носа упала теплая слезинка Черешки.

Вместе с *перекрокодлением* змея пропали и обездвиживающие чары. Я тут же *напугался*: встал в грозную стойку: локти согнуты, подбородок прижат. Левый кулак перед носом. Правый — готов атаковать. Та нога, что в тапке — впереди той, что прокусана. Брови сурово сдвинуты. Вид — наиопаснейший!

Но крокодил Карвува не испугался. Ох... Я опустил руки и разжал кулаки. Да... Драться с этим огромным, как дом чудовищем, — бессмысленно. Мне и до морды-то его не допрыгнуть.

— Или эту красную *плотоягоду* бросить в суп вместо приправы? — размышлял вслух Карвува. Видно, от долгого житья в одиночку, он привык разговаривать сам с собой. — А живчика оставить на завтрак?

— Меня нельзя есть... — разрыдалась Черешка. — Я не еда, я — живая!

— Конечно! — оскалился Карвува. — Я падалью не питаюсь!

И верно, устав от собственных размеров и убедившись, что он произвел на нас достаточно впечатления, снова — хлоп! — сменил облик.

На этот раз перед нами стоял летающий лис. Его короткий, коричнево-рыжий мех жирно блестел, а голову венчали три корявых рога — два по бокам, а один, поменьше, на затылке. Карвува расправил перепончатые крылья, потянулся и сложил их, завернувшись крыльями наподобие плаща. И, надо заметить, лис получился вполне нормального, *чебушиного* роста — то есть, почти с меня.

— Отпусти нас! — потребовал я. И уточнил, что я не живчик, а Чебу. И что кто как обзывается, тот так и называется — *обзун*! И что я-то не дразнил его *Свиногрязным Криворогом*, например. А еще я попробовал договориться и предложил *мирительный* план: я честно отдам колдуну все, что имею (пачку карандашей и карту Острова) в обмен на Ё-Бу и нашу свободу.

— Карту? Острова? Зачем она мне? — не понял лис.

Действительно, зачем она ему? Хм... И тут у меня появилась *прехитрящая* и *разчебушистая* идея. Я объяснил, что карта моя — *войная*, то есть это вещь стратегически необходимая для тех, кто воюет с соседом-великаном. Потому что, даже, несмотря на все Карвуины *колдовки*, *военничать* без карты не годиться.

Лис взлетел и приземлился напротив. Снова завернулся в крылья-плащ и задумчиво произнёс:

— А у меня войны и в мыслях не водилось... — он перешел на доверительный тон. — Однажды я пробовал. Понимаешь, отец подарил Рамбамбапу одну *сильноволшебную* Маску. А мне, представь, — ничего! Я попросил брата поделиться подарком, а он — ни в какую. Я решил поправить несправедливость и позвал на военную подмогу короля Совотавров... Но мы проиграли.

Карвува вытащил из-под крыла и показал мне левую лапу: пальцы и запястье оказались деревянные — один в один как ветки Гадень-Спугень. Я присвистнул:

— Ого!

— Смотри... Гадские *ведьмежата* оттяпали мне полруки и полбашки! Меня Дерево спасло... Больше *военничать* мне не хочется.

— Да? А я бы на твоём месте *развоеннился*! Отомстил бы... А, представь, если вдруг Рамбамбап отживет? Так что лучше начать первым!

— Ну да... Ты знаешь, когда-то, очень давно, Рамбамбап отравил меня злотворным зельем и *перевратил*. А так, родился я добрым и обаятельным.

Я закивал и сделал вид, что поверил. Будто бы недавно не слышал ту же историю, но рассказанную наоборот. И не назвал Карвуву врушей.

— Хм... — он задумался. Почесал затылок — совсем как свой брат-великан. — Да! Я так и сделаю! А ты, ходячая котлета — или как там тебя? — Чебу, ты — *умняга*! Не хочешь пойти ко мне в армию? Будешь заглавным генералом, стратегом и тактиком! А? Съесть тебя я всегда успею!

Я прищурился:

— Предложение твое злодейское кажется мне заманчивым. Я — в ведении войны генерал незаменимый, так как восемь лет прожил у настоящего Супергероя!

— Ух ты! — воскликнул лис, потирая лапы. — Вместе мы затеем такую *войнушку*, что захватим и братьев остров, и, может, даже какой другой!

— Ха, да что братьев! Всю землю до самого горизонта и дальше! — подпевал я Карвуве.

— Да-а-а! Здорово! — он хлопнул в ладоши. — Когда начинаем? Утром после шторма?

— Э-э-э, не так быстро! Я еще не дал согласия!

— То есть как это?! — взвизгнул лис. — Ты осмеливаешься отказать переколдуну Карвуве?

— Я останусь с тобой только в обмен на свободу моих друзей: Ё-Бу и Черешки!

Карвува сник:

— Пес с ней с *фруктовиной*... Обойдусь без приправы! Но я не могу отпустить Летающий Мяч!

— Тогда съешь меня прямо сейчас! Помогать тебе выиграть головокружительно победную войну я не буду!

Я сложил руки на груди и отвернулся.

Карвува растерялся.

— Ну, пойми ты... — он забежал сбоку, пытаясь поймать мой взгляд.

— Ешь меня... Давай начинай! — я снова отвернулся.

Он подлез с другой стороны:

— Ну, пожалуйста... Если я позволю мячу...

— Его зовут Ё-Бу!

— Если он улетит, то кто повысит СТЕПЕНЬ ХИЩНОСТИ у трех железяк, которые я выловил в море?

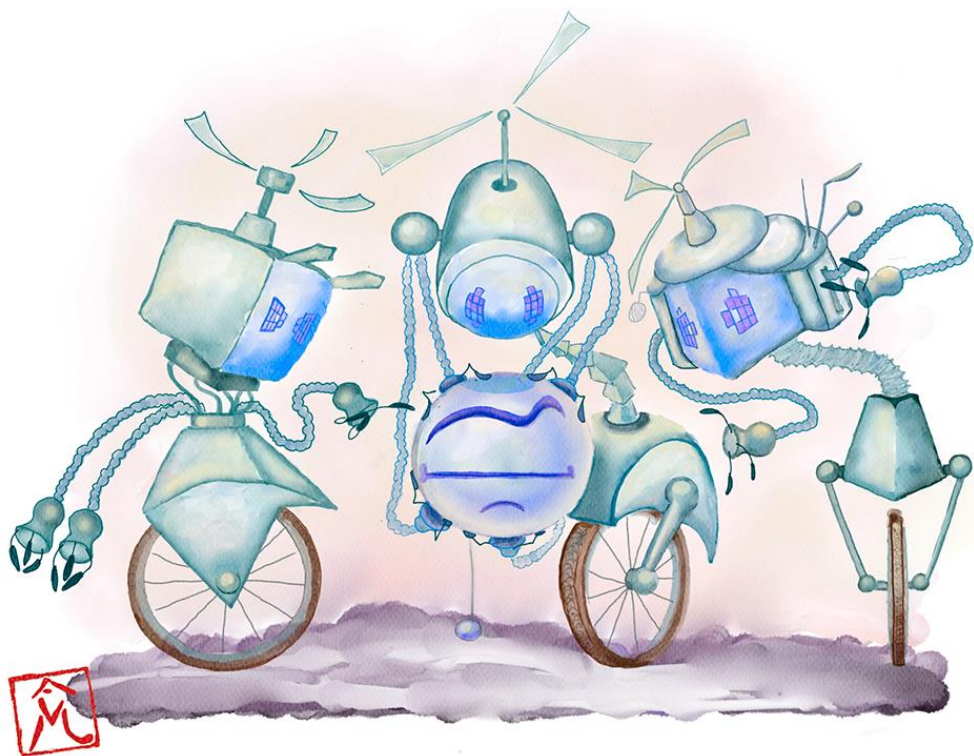
— А?

— Понимаешь, тут у нас недавно одна *акулистая* рыба завелась... Опасненькая такая... Не знаю, откуда она взялась — знаешь, какая *обжорливая*?

— А при чем тут Ё-Бу? — я сделал вид, будто про *акулистую* рыбу в первый раз слышу.

— Там на дне, — он махнул лапой в сторону Нашего Острова, — та Маска *сильноволиебная* и затонула. Без помощи *вреднюков* мне ее не достать! Смотри...Эй вы! — Карвува свистнул. — Ко мне!

Из пластикового ящика вылетели и приземлились возле нас три странных аппарата. На макушке — пропеллеры. Вместо лиц — экраны. Внизу — велосипедное колесо. По одному на уродца.

— Велосипедные летуны... — прошептала Черешка.

— Самокатус, подойди сюда, — распорядился Карвува.

Один из аппаратов подъехал поближе. В механических конечностях Самокатус сжимал нашего Ё-Бу, глазные створки которого были плотно закрыты. Выглядел Ё-Бу очень несчастным и совсем не *самохвальным*. Так он, оказывается, тоже *бояка*!

— Смотри! — Карвува показал на маленькую прямоугольную дырочку на боку у Самокатуса.

Возле отверстия я прочитал: «степень хищности регулируется от 1 до 10». Дальше шел какой-то шифр: длинный ряд бессмысленных букв.

— Стрептокатус, Стафилокатус! Ко мне!

И у этих двоих степень хищности переключалась от 1 до 10, а бока тоже были *дырявчатые*. Даже шифровальные буквы — такие же, только немного другие.

— Видишь?! — сказал Карвува. — Твой Ё-Бу из той же *метальной* породы, что и эти трое *вреднюков*. Он может *убольшить* их степень хищности до 10! Они поймают *акулистую* рыбу и найдут Маску! Вот тогда-то мы с тобой и обзаведемся непобедимой армией!

Я покопался в кармане. Там все еще лежал провод от ненавистной штуки с откусанным яблоком, на которую меня променял Супергерой — помните, я стащил из машины? Так и не решился его выбросить. Провод этот заканчивался прямоугольным штырьком, один в один подходящим к дыркам в боках велосипедных летунов.

Эх, банана-макарена... Нет проблем, есть только решения!

Сжав провод в кулаке, я выпалил:

— Это — плевое дело! Для этого нужен ключ на тринадцать! И у меня как раз в кармане завалялся такой!

От подобной наглой выдумки Ё-Бу даже приоткрыл глаз.

А я невозмутимо вытащил из кармана кулак, из которого торчал штырек от провода. Сам же он оставался невидимым под сжатыми пальцами.

Карвува сначала склонился над штырьком, потом над дырой в боку Стрептокатуса. И восторженно посмотрел на меня.

— Да-а-а... — он восхищенно закивал. — Точь-в-точь *дыровой* ключ!

— И если ты не отпустишь Черешку и Ё-Бу, то я... То можешь меня съесть немедленно, потому что я и пальцем не пошевелю, чтобы тебе помочь! И вообще, я вот прямо сейчас сам прыгну в котел к перелетным рыбам!

— Нет, нет, пожалуйста! — Карвува схватил меня за руку. — Пожалуйста, помоги мне!

— Освободи моих друзей!

— Мм, ладно! Стрептокатус, отпусти Летящий Мяч! И ты, *фруктовина*, проваливай... Живей, живей!

Стоило Стрептокатусу расслабить механические клешни, как Ё-Бу взмыл в воздух и повис. Он с тревогой посмотрел на меня и пискнул, желая отговорить, но я перебил его:

— Черешка! Прыгай на Айбуху! И летите быстрее отсюда, пока шторм не начался!

Черешка перескочила на макушку Ё-Бу и прошептала:

— А как же ты?

— Проваливайте-проваливайте! А я решил стать *злострашным* генералом армии Карвувы и отыскать Маску.

— Ух-ты! — от восторга Карвува аж подпрыгнул. — Вместе мы завоюем весь мир!

Черешка поджала губки и расплакалась. Ё-Бу прикрыл веко и загрустил.

— Ну же... Улетайте! Кыш!

Я легонько подтолкнул Ё-Бу. Тот печально пискнул, и они с Черешкой взмыли в мрачное небо.

Дождавшись, пока Ё-Бу превратился в серебряную точку на фоне темно-синих туч, я облегченно выдохнул.

— Ну, давай же! Переключай! — подсказывал от нетерпения Карвува. — Ну, скорее!

— Видишь ли, — начал я, — это — не *болтовство*, а дело серьезное! К нему надо иметь *внимательность*, поэтому... Поэтому... — я обвел глазами площадку, в

поисках чего-то, что помогло бы мне выпутаться. — Поэтому я заберусь в ящик вместе с этими чудиками и там все сделаю. А ты тут подожди... Ну... Чтобы не отвлекать нас...

И, не дожидаясь его согласия, заковылял к пластиковому ящику.

— Болит?

— А? — я повернулся.

— Укусы черепов очень *больные*, — Карвува сочувственно посмотрел на мою лодыжку, покрытую засохшей кровяной коркой. — Я сварю тебе отвар из коры Древа. Увидишь, до завтра всё заживет.

Он свистнул. Повинуясь приказу Карвувы, подлетел Стрептокатус. Он взял меня за подмышки и зажал металлическими клешнями. Завихрились, разгоняя песок, пропеллеры. Мы — я и трое уродцев — взлетели и — тррр! — приземлились внутри ящика. Карвува тоже поднялся в воздух и опустился вслед за нами на бортик. Он закутался в крылья и посмотрел на нас сверху вниз.

— Эй! — запротестовал я. — Не подглядывать! А то у меня рука дрогнет, и вместо увеличения хищности, я повышу уровень *добрости*!

— Ладно!

Карвува улетел. А я без сил опустился на пол.

Я оказался в ловушке, один на один с тремя престранными *велолетунами*. И колдуном, который в любую минуту мог *перекрокодиться* во что угодно.

Эх... Проблема в том, как найти решение этой проблеме...

Глава 13. Грозливый шторм.

Я *склубочился* в уголке. О том, чтобы *закарабкаться* наверх по стенам ящика и удрать не было и речи. Слишком они гладкие и скользкие. И не допрыгнуть — больно уж высоко, где-то в три *чебуиных* роста. И ни окон, ни отверстий, ни щелей. Я бессильно опустил голову.

Снаружи доносились шаги Карвувы. Он нетерпеливо ходил вокруг и постоянно спрашивал:

— Готово?

«Подожди, пока нет!» — отвечал я. А сам *хитроумил*, что делать дальше. Мои *чебуиные* мозги едва не вылетели из головы, а я так ничего и не придумал. Сидел и ждал, когда обман раскроется, и расвирепевший колдун сожрет меня без приправ и соли.

Компанию мне составляли три *вреднюка*. Они неподвижно стояли вдоль стен: ждали приказов Карвувы. Я повнимательней присмотрелся к странному шифру на боку первого: СМ-КТ-У-С.

— Са... Ма... Ка... Тус... Ага! Самокатус! Какие у вас *отгадливые* имена!

СТРПТ-КТ-У-С было написано у Стрептокатуса, а у Стафилокатуса: СТФЛ-КТ-У-С.

При звуке своих имен механические уродцы вытянулись в струну, как послушные солдаты.

— Ну что, ну как?! — услышал я крик Карвувы. — Готово?

— Работаю над Стафилокатусом! — закричал я в ответ. — Осталось совсем чуть-чуть!

Карвува обошел еще один круг. И внезапно остановился.

— Ты ничего не слышишь? — спросил он.

Я прислушался. Как будто вдалеке, сквозь громкий плеск штормовых волн, кто-то пел.

— Пойду, посмотрю! — услышал я. — Я скоро вернусь, ДРУГ!

Взмах крыльев — Карвува полетел к подозрной трубе.

А я весь обратился в слух. Потому что дразнилка, доносящаяся с берега, явно принадлежала Медузе: «А Карвува — дуралей, сделал руку из корней!». «Он рогатый как баран, а на пузе — таракан!» — присоединился к ней второй голос, — а это уже Бюльбюль.

Что это значит? Ответ не заставил себя долго ждать. Шлеп... Шлеп... Шлеп-шлеп-шлеп... Над головой захлопали крылья и...

И рядом со мной приземлился...

Припрыга!

Три *вреднюка* встрепнулись и зажужжали. Припрыга вскрикнул и отшатнулся. Я успокоил его. И объяснил, что хотя, вообще-то, от них почти не убежать, но пока степень хищности у них невысокая, так что они НЕ ОЧЕНЬ опасны. «Как это?» — не понял он. А я объяснил, это значит, что когда убежишь, когда нет. А пока колдун занят, то можно вырваться.

Тогда он кинулся обнимать меня, и его глаза переполняли слезы. «Как я рад, что тебя еще не съели, Лунный Светник! Как я боялся опоздать...» И все такое. Я

заверил его, что пока нет, но очень скоро да, съедят. А он спохватился, вытер лапой мордочку и быстро-быстро зашептал:

— Скорее, у нас есть пара минут, пока Медуза и Бюльбюль отвлекают внимание... Скажи сюда что-нибудь, — он протянул мне мидию с приоткрытыми половинками раковин. — Это — *мидия-повторюшка*.

— Что сказать-то?

— Ну... Просто скажи: я тут!

— Я тут! — произнес я в щель между створок ракушки.

Едва я закончил, как мидия захлопнулась. Припрыга осторожно положил её на пол.

— А теперь — быстрее отсюда!

Он подхватил меня, и мы улетели прочь из контейнера. Резко развернувшись, Припрыга часто замахал крыльями, быстро набирая высоту.

Я оглянулся. Карвува все еще рассматривал берег в подзорную трубу. Ветер донес его вопрос:

— Ну что, готово, ДРУГ? Пора нам уже и мир завоевывать!

— Что сказать-то?.. Я тут! — ответила моим голосом *мидия-повторюшка* из ящика.

А мы с Припрыгой уносились под самые тучи, все выше и дальше от колдовского острова.

Как назло, шторм в этот вечер разыгрался нешуточный. Может быть, поэтому Карвува и не полетел за нами в погоню.

Вначале ветер дул слабый, но очень скоро усилился. А мы не преодолели и половины пути! Припрыга неутомимо работал крыльями, но шторм нагонял нас. Вскоре ветер превратился в шквал, и на меня упали первые тяжелые капли. Под нами бушевали волны величиной с гору! Дождь обернулся тропическим ливнем, а ураганный ветер сменил направление и задул в спину.

Перемена ветра добавила нам скорости. До Красивого пляжа оставалось совсем чуть-чуть. Ливень лил водопадом. Сквозь пелену воды я уже различал камни и согнутые ураганом пальмы на берегу. Но перья Припрыга совсем намокли. «Ты знаешь, середина высоты — это самое опасное!» — прокричал он. Мы опускались все ниже и ниже, все ближе и ближе к ревущему морю. Я чувствовал, что он боролся из последних сил. Но сильный порыв подхватил нас, опрокинул и бросил в бурлящую стихию. Водоворот затягивал в омут, переворачивал и рвал на части. И я уже подумал, что это все, нам не выплыть... Но волны покрутили, повертели нас, и наигравшись, выбросили на берег.

Ух, банана-макарена! Пена с шипением накрыла пляж. Волна отхлынула, оставив меня и Припрыга лежать на песке. Отплеываясь от соли, мы побежали подальше от линии прибоя: следующей волной нас могло снова утащить в море...

Продолжалась буря целую ночь и затихла лишь на заре. Мы отсиделись под *вареневыми* кустами, накрывшись широкими листьями, как зонтами.

А утром небо прояснилось, и из-за туч вылезло жаркое солнце. Оно быстро просушило и пляж, и разлохмаченные непогодой пальмы, и перья Припрыга, и мою одежду.

— Спасибо тебе!

— Да не за что... Я и не думал, что я такой летучий! — признался он.

Вместе с солнцем на Красивый пляж потянулись соплеменники Припрыга — все-превсе! Покоты и покошки тащили связки бананов и корзинки с *песневыми* ящерицами. Покатушка сплела ожерелья из цветов и надела нам на шеи. Нас подняли на руки и пронесли с восторженным улюлюканьем по пляжу, обойдя пять раз ликующий круг почета, — как настоящих героев. Припрыга краснел, смущался, и, конечно же, расчувствовавшись, расплакался.

Пришли и Вау-Вау. Но к ним я решил не подходить — кто знает, что там их гадательные ракушки нашептали. Королева Кучерявка держалась особняком и бросала на меня строгие взгляды. Ремнезуб и Шилохвост — тоже. А остальные *ведьмежата* рассыпались по пляжу и отплясывали не хуже покотов.

Больше всего я обрадовался увидеть целыми и невредимыми Ё-Бу и Черешку. Они прилетели на Красивый Пляж (то есть летел Ё-Бу, Черешка ехала на нем) вслед за Безымянным Псом, который, оказывается, и занимался отправкой Припрыга, — это именно Пес руководил операцией *чебуспасения*.

«Ну ты и *отчебучил*! Я бы так не смог!» — признался Ё-Бу. А Черешка «после такого *испугательства*» пообещала никогда не притрагиваться к перелетной *рыбятине*. А я сделал вид, что поверил ей.

До полудня на пляже били тамтамы и вопили гуделки. Ящерицы пели во весь голос. Кокосовое молоко лилось рекой, а сладких манго и бананов хватало на всех и еще с лихвой оставалось. Начался всеобщий праздник Короборо!

И знаете, я больше не убивался, что Супергерой выкинул меня на помойку. Ведь если бы не он — разве нашел я столько настоящих друзей? Да и если неудачу не перетерпеть, так никогда из нее и не выйдешь. А что до Маски... Найди я ее сегодня, то загадывать о том, чтобы вернуть дружбу Супергероя точно не стал бы. Потому что нельзя вернуть то, чего никогда не было, понимаете? Дружья друзей не предают! И мой Супергерой он же — обыкновенный Суперпредатель. А для Маски я придумал бы другое желание — мало ли каких интересных и чебуприятных вещей можно пожелать!

Последними на праздник приплыли Медуза и Бюльбюль. Дельфин резвился в прибрежных водах и танцевал, стоя на хвосте. Медуза не сводила с него восторженных глаз и хлопала в такт лапами. Но с Бюльбюлем мне поболтать так и не удалось — слишком много народа собралось, на пляже стало тесно от веселящихся островитян. К морю — не *протолпиться*. Единственный, кого не

пригласили — это Болотный Ноль. Ну, сказали, это чтобы он кислой миной не испортил праздник.

От такого тарарама у меня зазвенело в ушах. Незаметно я ушел с Красивого пляжа на соседний, малюсенький. Сел на камень. Посмотрел на успокоившееся море — ярко-бирюзовое до самого чистого, без единого облачка, неба. А далеко на горизонте вздымался темный остров Шляпа.

Я знал, что там, на вершине Чернострашной скалы, Карвува в подзорную трубу наблюдает за нашим праздником. И что ему грустно и очень одиноко. Я вспомнил, что он назвал меня своим другом. И мне стало стыдно. Получается, что я обманул его. А это очень больно, когда тебя предают. Уж я-то знаю.

Я встал, улыбнулся и помахал ему рукой.

И подумал, что я обязательно вернусь на Шляпу. И попрошу у Карвувы прощения.

До встречи на alla-miya.com !